

ЭТИ ПИСАТЕЛИ НА ГОЛОВУ ВЫШЕ СВОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СОПЕРНИКОВ.
Роберт МакКри

ДУГЛАС ПРЕСТОН
ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД

КНИГА МЕРТВЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

**Линкольн Чайлд
Дуглас Престон
Книга мертвых**
Серия «Пендергаст»
Серия «Трилогия Диогена», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174658

*Престон Д., Чайлд Л. Книга мертвых : роман : Азбука, Азбука-Аттикус; С.-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-08096-6*

Аннотация

Пока специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст сидит в тюрьме по ложному обвинению в убийстве, его брат Диоген, неудовлетворенный результатами своего «идеального» преступления, собирается совершить еще более изощренное злодеяние. Долгие годы он посвятил тщательной подготовке этого преступления и вот теперь, когда его главный противник не в силах ему помешать, Диоген готов запустить механизм зла. Между тем в Нью-Йоркском музее естественной истории вновь начинается череда загадочных убийств...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	54
Глава 15	60
Глава 16	64
Глава 17	70
Глава 18	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Книга мертвых

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей матери, Нэнси Чайлд
Дуглас Престон посвящает эту книгу Анне Маргарите Макканн
Таггерт*

Douglas Preston & Lincoln Child

THE BOOK OF THE DEAD

Copyright © 2006 by Splendide Mendax, Inc., and Lincoln Child

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New
York, New York, USA.

All rights reserved

© Е. Харитоновна, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Утреннее солнце золотило мощеную подъездную аллею, ведущую к служебному входу Нью-Йоркского музея естественной истории, ярко освещало стеклянную будку охраны у гранитной арки. В крохотном помещении, развалившись на стуле, сидел старик, знакомый каждому сотруднику музея. Он с видимым удовольствием посасывал трубку, наслаждаясь одним из тех теплых предвесенних дней, которые иногда выпадают в Нью-Йорке в феврале, заставляя нарциссы, крокусы и фруктовые деревья распускаться раньше времени – лишь для того, чтобы неминуемо замерзнуть в конце месяца.

– Доброе утро, док! – снова и снова повторял Керли, одинаково приветливо кивая спешащим на службу клерку из отдела писем и директору по науке.

Хранители назначались и уходили в отставку; директора вступали в должность, получали славу и почести, а потом с позором изгонялись. Каждый человек, возделывающий землю, обречен в конце концов оказаться погребенным под нею, но невозможно себе представить, чтобы Керли когда-нибудь покинул свою будку. Он был такой же неотъемлемой частью музея, как ультразавр, встречающий посетителей в Большой ротонде.

– Здорово, приятель!

Услышав непривычно фамильярное обращение, старик нахмурился и, подняв глаза, успел заметить посыльного, швырнувшего в окно увесистый пакет, который приземлился как раз на маленькую полку, где охранник держал табак и рукавицы.

– Послушайте! – воскликнул Керли и, выглянув из окна, замахал руками. – Эй, я вам говорю!

Но посыльный уже мчался прочь на велосипеде с толстыми шинами, и старик разглядел лишь туго набитый рюкзак у него на спине.

– О господи! – пробормотал Керли, уставившись на сверток длиной примерно двенадцать, а шириной и толщиной восемь дюймов.

Грязная коричневая оберточная бумага была перевязана старинной бечевкой, какой уже давно никто не пользуется, и выглядела так, словно посылка вместе с доставившим ее человеком побывала под колесами грузовика. Надпись, сделанная неровным детским почерком, гласила: «Музей естественной истории, хранителю коллекции камней и минералов».

Задумчиво глядя на сверток, старик вытряхнул трубку. Каждую неделю дети присылают в музей сотни посылок с «пожертвованиями» – от раздавленных жуков и самых обычных, не представляющих никакого научного интереса камней до наконечников для стрел и мумифицированных трупов животных, погибших под колесами автомобилей. Вздыхая, Керли с трудом поднялся со стула и сунул сверток под мышку. Положил трубку на полку, открыл дверь и, моргая, вышел на солнечный свет. Потом направился в сторону отдела корреспонденции, который находился всего в нескольких футах от его будки, – чтобы попасть в него, нужно было лишь перейти подъездную аллею.

– Что это у вас, мистер Таттл? – раздался голос у него за спиной.

Керли обернулся и увидел Дигби Гринлоу, недавно назначенного помощником директора по административным вопросам, – тот выходил из тоннеля, ведущего от служебной парковки.

Керли ответил не сразу. Ему не нравился Гринлоу с его снисходительным «мистер Таттл». Несколько недель назад помощник директора сделал ему замечание – дескать, он недостаточно тщательно проверяет пропуска у сотрудников, «практически не заглядывает в них». Черт возьми, ему и не нужно в них заглядывать! Он в лицо знает каждого служащего музея.

– Посылка, – нехотя пробормотал старик.

В голосе Гринлоу зазвучали менторские нотки:

– Посылки полагается сдавать непосредственно в отдел корреспонденции. А вы не должны покидать свой пост.

Керли продолжал идти. Достигнув определенного возраста, он обнаружил, что самый верный способ бороться с неприятностями – делать вид, что их нет. Вот и сейчас он слышал, что шаги помощника по административным вопросам у него за спиной ускорились, но не остановился.

Решив, что старик глуховат, Гринлоу заговорил громче:

– Мистер Таттл! Я сказал, что вы не должны покидать свой пост!

Керли наконец остановился и резко обернулся.

– Спасибо, доктор! – С этими словами он протянул посылку Гринлоу.

Гринлоу посмотрел на сверток и отвел глаза:

– Я не говорил, что собираюсь отнести его сам.

Керли стоял, насмешливо глядя на помощника директора.

– О господи! Ну ладно. – Гринлоу раздраженно потянулся за свертком, но в последний момент отдернул руку. – Странная штукавина! Что это такое?

– Не знаю, доктор. Ее доставил посыльный.

– Скорее всего, он ошибся адресом.

Керли пожал плечами. Гринлоу не спешил взять сверток в руки – наклонившись, он стал внимательно его разглядывать.

– Упаковка порвана... Вот дыра... Глядите-ка! Из нее что-то сыплется!

Керли посмотрел вниз и увидел, что угол пакета действительно надорван и из него тонкой струйкой высыпается какой-то коричневый порошок.

– Черт, что это? – воскликнул он.

Гринлоу отступил на шаг.

– Это какой-то порошок. – Его голос стал громче: – О господи! Что это?

Керли не двигался с места.

– Боже милостивый! Керли, бросьте его! Это сибирская язва! – Гринлоу сделал еще несколько шагов назад, лицо его исказилось. – Это террористическая атака! Кто-нибудь, вызовите полицию! Я заразился! О боже, я заразился!

Споткнувшись, помощник директора упал на мостовую, но тут же вскочил на ноги и бросился бежать. Почти сразу же Керли увидел двух мчащихся к ним охранников: один перехватил Гринлоу, второй направился к нему.

– Что вы делаете? – пронзительно закричал административный помощник. – Не подходите! Вызовите Службу спасения!

Керли продолжал стоять со свертком в руках. Все произошедшее настолько потрясло старика, что он не мог сдвинуться с места.

Охранники побежали назад, Гринлоу последовал за ними. На несколько мгновений в маленьком дворике вновь воцарилась тишина. Внезапно ее разорвал сигнал тревоги, показавшийся оглушительным в замкнутом пространстве. Менее чем через пять минут воздух заполнился воем сирен, и началось что-то невообразимое: двор оказался залит светом фар прибывших полицейских машин, повсюду раздавался треск работающих раций; люди в униформе быстро натягивали желтую оградительную ленту и возводили защитные барьеры; голоса, усиленные громкоговорителями, призывали зевак разойтись и одновременно приказывали Керли бросить сверток и отойти, немедленно бросить сверток и отойти.

Однако старик не бросил свою ношу и не отошел. Он застыл в полном смятении, уставившись на тонкую коричневую струйку, продолжавшую течь из места разрыва и уже успевшую образовать небольшую горку у его ног.

И тогда появились два человека в странных белых костюмах и шлемах с пластиковыми масками. Они приближались медленно, растопырив руки, как персонажи старого фантастического фильма, который Керли видел когда-то очень давно. Одно из существ мягко взяло старика за плечи, а другое осторожно потянуло за сверток, который тот продолжал сжимать в руках, и с величайшей осторожностью поместило его в синюю пластмассовую коробку. Затем Керли отвели в сторону, тщательно почистили его одежду, водя по ней вверх-вниз каким-то устройством, после чего надели на него такой же странный белый костюм. Все это время существа приговаривали низкими механическими голосами, убеждая Керли, что ничего страшного не произошло: сейчас его отвезут в больницу, где возьмут кое-какие анализы, а потом все будет просто прекрасно. Когда на голову старика водрузили шлем, он почувствовал, что мозг его начал оживать, а тело вновь обрело способность двигаться.

– Простите, доктор, – обратился он к одному из фантастических существ, когда его подвели к стоящему внутри полицейского оцепления фургону с распахнутыми задними дверцами.

– Да?

– Моя трубка. – Керли кивнул в сторону своей будки. – Не забудьте захватить мою трубку.

Глава 2

Доктор Лорен Уилденстайн наблюдала, как члены команды быстрого реагирования внесли в лабораторию пластиковый контейнер и поставили его под вытяжной колпак. Звонок поступил двадцать минут назад, и они с ассистентом Ричи успели приготовить все необходимое. Поначалу казалось, что наконец-то случилось нечто серьезное, нечто напоминающее классическую атаку биотеррористов: в крупнейшее научное учреждение Нью-Йорка доставлен пакет, из которого сыпался коричневый порошок. Но проведенный на месте происшествия анализ показал, что находившееся в пакете вещество не содержит спор сибирской язвы, и Уилденстайн не сомневалась, что имеет дело с очередной ложной тревогой. За те два года, что она возглавляла лабораторию, в нее более четырехсот раз присылали казавшиеся подозрительными порошки, но ни один из них, к счастью, не оказался веществом, используемым биотеррористами. Пока. Лорен бросила взгляд на висящую на стене распечатку: сахар, соль, мука, питьевая сода, героин, кокаин, перец и пыль – именно в таком порядке. Этот список был свидетельством всеобщей паранойи и, черт возьми, слишком большого числа ложных сигналов о терактах.

Команда быстрого реагирования покинула лабораторию, и Лорен несколько секунд разглядывала запечатанный контейнер. Поразительно, какую панику в наши дни может вызвать пакет порошка! Его доставили всего полчаса назад, а охранник и администратор музея уже помещены в изолятор и им оказывается психологическая помощь. Причем оказалось, что в большей степени в ней нуждается именно администратор.

Она покачала головой.

– Ну и что вы думаете? – раздался голос у нее за спиной. – Террористический коктейль?

Уилденстайн не обратила на слова никакого внимания. Ричи превосходно выполнял свою работу, даже несмотря на то что в эмоциональном развитии остановился где-то между третьим и четвертым классами школы.

– Давайте попробуем рентген.

– Уже.

Из возникшего на мониторе изображения можно было заключить лишь, что в свертке находится аморфная субстанция; он не содержал писем или каких-либо других предметов.

– Детонатора не видно, – сказал Ричи. – Черт!

– Я вскрываю контейнер.

С этими словами Уилденстайн сорвала печати и осторожно вынула сверток из пластиковой коробки. От ее внимания не ускользнули ни неровный детский почерк, которым была сделана надпись на пакете, ни витки грубо обвязанной вокруг него бечевки, ни отсутствие обратного адреса. Все это словно специально было рассчитано на то, чтобы вызвать подозрение. Содержащаяся в посылке субстанция не была похожа ни на одно из исследованных ею веществ, применяемых террористами. Не снимая толстых перчаток, Уилденстайн с трудом перерезала бечевку и развернула сверток.

– Нам прислали мешок с песком, – фыркнул Ричи.

– Мы должны обращаться с этим веществом как с представляющим опасность, пока не докажем обратное, – возразила Уилденстайн, хотя в душе была с ним согласна.

Но в конце концов, всегда лучше перестраховаться.

– Каков вес?

– Один килограмм двести граммов. Показатели биологической опасности и опасности взрыва – на нуле.

С помощью специальной ложечки Уилденстайн взяла несколько десятков крупинок вещества, разложила их в полдюжины пробирок, которые запечатала и установила на спе-

циальных подставках, а одну из них передала Ричи. Не дожидаясь указаний, тот приступил к выполнению привычной процедуры исследования.

– Приятно работать с такой уймой песка, – проговорил он, ухмыляясь. – Можно его жечь, печь, растворять, и все равно этого дерьма останется еще достаточно, чтобы построить замок.

Уилденстайн терпеливо дожидалась, пока он закончит.

– Все результаты отрицательные, – наконец доложил Ричи. – Матерь Божья, что же это такое?

Уилденстайн взяла с полки вторую партию образцов:

– Теперь нагрей их в чистом кислороде и закачай газ в газовый анализатор.

– Обязательно.

Ричи взял следующую пробирку, воткнул в нее трубку, которую подсоединил к газовому анализатору, и медленно нагрел на горелке Бунзена. К удивлению Уилденстайн, образец вещества тут же воспламенился и через несколько секунд полностью сгорел, не оставив ни пепла, ни каких-либо других частиц.

– Гори, милый, гори!

– Что у тебя получилось, Ричи?

Ассистент внимательно изучил показания прибора:

– Чистая двуокись углерода, одноокись и следы испарения воды.

– Должно быть, вещество представляет собой чистый углерод.

– Помилуйте, босс! С каких это пор углерод стал иметь форму коричневого порошка?

Уилденстайн внимательно посмотрела на крупинки, лежащие на дне одной из пробирок:

– Пожалуй, надо взглянуть на них в стереомикроскоп.

Вытряхнув несколько песчинок на предметное стекло, она поместила его на предметный столик, включила свет и посмотрела в окуляры.

– Что там видно? – нетерпеливо спросил Ричи.

Уилденстайн, не отвечая, продолжала смотреть в микроскоп, пораженная открывшимся перед ней зрелищем. При многократном увеличении отдельные крупинки вовсе не были коричневыми – они оказались крошечными частицами стекловидного вещества, окрашенными в множество цветов: синий, красный, желтый, зеленый, коричневый, черный, пурпурный, розовый... Не поднимая головы от микроскопа, Уилденстайн взяла металлическую ложечку, придавила ею несколько песчинок и слегка нажала. Послышался едва уловимый скрежет – это крупинки царапнули стекло.

– Что вы делаете? – вновь спросил Ричи.

Уилденстайн поднялась из-за микроскопа:

– У нас здесь где-нибудь есть рефрактометр?

– Да, завалилась какая-то рухлядь, оставшаяся еще со Средних веков. – Ричи порылся в шкафу и вытащил из него пыльный прибор в пожелтевшем от времени пластиковом чехле. Установив его на столе, включил штепсель в розетку. – Умеете обращаться с этой штуковиной?

– Как-нибудь справлюсь.

Взяв крупницу вещества, Уилденстайн опустила ее в каплю минерального масла, после чего установила предметное стекло в камеру считывания рефрактометра. После нескольких неудачных попыток она разобралась, как пользоваться прибором. Когда Лорен наконец подняла голову, на лице ее сияла торжествующая улыбка.

– Все в точности так, как я и думала: показатель рефракции две целых четыре десятых.

– И что же из этого?

– Теперь все ясно.

– Что ясно, босс?

Уилденстайн бросила на него быстрый взгляд:

– Ричи, какой минерал состоит из чистого углерода, имеет показатель рефракции больше двух и настолько твердый, что может разрезать стекло?

– Алмаз?

– Браво!

– Вы хотите сказать, что в этом мешке алмазный песок?

– Именно так.

Ричи снял шлем и вытер лоб.

– С таким я еще никогда не сталкивался. – Он потянулся за телефонной трубкой. – Пожалуй, позвоню в больницу, скажу им, чтобы сняли карантин. А то, говорят, администратор музея наделал в штаны.

Глава 3

Спускаясь на лифте в подземные помещения Нью-Йоркского музея естественной истории, его директор Уотсон Коллопи ощущал неприятное покалывание в затылке. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он был здесь в последний раз. Интересно, подумал Коллопи, почему этот сукин сын Уилфред Шерман, хранитель отдела минералогии, так настаивал на его визите в лабораторию, вместо того чтобы самому подняться в офис директора, расположенный на пятом этаже?

Коллопи быстро шел по посыпанному песком коридору, и его ботинки, касаясь пола, издавали резкий скрежещущий звук. Наконец он свернул за угол и оказался перед дверью, которая вела в лабораторию отдела минералогии. Коллопи повернул ручку – заперто – и ощутил новый острый приступ раздражения.

Шерман почти тут же открыл дверь и так же быстро запер ее за директором музея. Волосы его были взъерошены, на лбу выступили капли пота – сейчас он больше всего напоминал человека, пережившего катастрофу. «Поделом же тебе», – подумал Коллопи, быстро окинув взглядом помещение лаборатории и задержавшись на злополучной посылке, завернутой в мятую, покрытую пятнами бумагу. Помещенная в прозрачную пластиковую сумку, застегнутую на две молнии, она стояла на столе возле стереомикроскопа, а рядом с ней лежало несколько белых конвертов.

– Доктор Шерман, – начал директор, – недопустимый способ, которым этот материал был доставлен в наш музей, уже стал для нас причиной серьезных неприятностей. Все произошедшее с полным правом можно назвать возмутительным. Я хочу знать имя отправителя, хочу знать, почему посылка не была отправлена по обычным каналам, а также почему со столь ценным материалом обращались с такой небрежностью, что это вызвало настоящую панику. Насколько мне известно, один фунт алмазного песка технического назначения стоит несколько тысяч долларов.

Шерман ничего не отвечал, лишь стоял молча и потел.

– Так и вижу заголовок в завтрашней газете: «Паника, вызванная биотеррористической атакой в Музее естественной истории». Не скажу, что я жажду прочитать такую статью. Мне только что позвонил репортер из «Таймс»¹ – Гарриман или как его там. И через полчаса мне нужно будет ему перезвонить и дать какие-то объяснения.

Шерман сглотнул и продолжал молчать. По лбу его скатилась капля пота, и он поспешно вытер лицо носовым платком.

– Ну и как, есть у вас объяснение? И существует ли причина настойчивости, с которой вы просили меня спуститься в вашу лабораторию?

– Да, – наконец заговорил Шерман и кивнул в сторону стереоскопа. – Я хотел, чтобы вы... чтобы вы взглянули на это.

Коллопи поднялся, подошел к микроскопу и, сняв очки, посмотрел в окуляры, но не увидел ничего, кроме размытого белого пятна.

– Я ни черта не вижу!

– Просто нужно отрегулировать фокусировку.

Коллопи немного повозился с микроскопом, наводя фокус, и вот перед его глазами предстала изумительной красоты картина – тысячи разноцветных осколков кристаллов, образующих причудливую яркую мозаику.

– Что это?

– Образец песка, который содержался в посылке.

¹ Имеется в виду газета «Нью-Йорк таймс». – Здесь и далее примеч. пер.

Коллопи выпрямился.

– Неужели? Разве вы или кто-то еще его заказывали?

– Нет, никто из сотрудников отдела его не заказывал, – после короткого колебания ответил Шерман.

– Тогда скажите мне, мистер Шерман, почему посылка с алмазным песком стоимостью несколько тысяч долларов была адресована и доставлена именно вам?

– Я знаю почему. – Шерман дрожащей рукой взял один из белых конвертов.

Коллопи ждал объяснений, но хранитель молчал, устремив застывший взгляд в одну точку.

– Доктор Шерман!

Тот не шелохнулся. Потом опять достал из кармана платок и вытер лицо.

– Доктор Шерман, вам плохо?

Шерман вновь сглотнул:

– Не знаю, как и сказать вам.

Голос Коллопи зазвучал резче:

– У нас серьезные проблемы, – он посмотрел на часы, – а через двадцать пять минут мне нужно звонить этому Гарриману. Так что выкладывайте все, что вам известно.

Шерман безмолвно покачал головой и еще раз вытер лицо носовым платком. Несмотря на раздражение, Коллопи ощутил укол жалости. Хранитель отдела минералогии напоминал ему пожилого ребенка, так и не переросшего своего детского увлечения – собирания камней. И вдруг Коллопи понял, почему тот непрерывно вытирает лицо: причиной этого был не пот – из глаз Шермана текли слезы.

– Это не алмазный песок технического назначения, – наконец произнес он.

Директор музея нахмурился:

– А что же это?

Ученый набрал в легкие побольше воздуха:

– Алмазный песок технического назначения состоит из черных или коричневых кристаллов, не имеющих эстетической ценности. И под микроскопом они выглядят именно такими – темными кристаллическими частицами. Здесь же мы видим множество цветов. – Голос Шермана задрожал.

– Да, именно это я и видел, – согласился Коллопи.

Шерман кивнул:

– Крохотные кристаллы и фрагменты кристаллов всех цветов радуги. Убедившись, что это действительно алмазы, я спросил себя... – Казалось, силы вновь покинули его.

– Ну же, мистер Шерман.

– Я спросил себя: откуда, черт возьми, мог взяться целый мешок песка, состоящего из фрагментов отличных разноцветных камней? Мешок весом два с половиной фунта?

В лаборатории повисла напряженная тишина, и Коллопи вдруг стало холодно.

– Я не понимаю, – тихо сказал он.

– Это не алмазный песок, – решительно, на одном дыхании произнес Шерман. – Это коллекция алмазов из музея.

– Черт, вы понимаете, что говорите?

– Это дело рук человека, который на прошлой неделе украл наши алмазы. Он измельчил их. Все до одного. – Слезы вновь потекли по щекам Шермана, но он и не думал их вытирать.

– Измельчил? – Коллопи посмотрел по сторонам безумным взглядом. – Как можно измельчить алмазы?

– Молотком.

– Но считается, что алмаз – самый твердый материал в мире.

– Твердый – да. Но это не значит, что его нельзя раздробить.

– Почему вы так уверены, что это коллекция музея?

– Многие наши алмазы имеют уникальную окраску. Взять хотя бы «Королеву Нарнии».

Ни у одного другого камня нет такого голубого цвета с оттенком фиолетового и зеленого. Я сумел идентифицировать каждый, даже самый крохотный фрагмент. Именно этим я здесь и занимался – сортировал их. – Шерман открыл белый конверт, который держал в руках, и высыпал его содержимое на предметный стол – на листе бумаги выросла небольшая кучка голубого песка. Пожилой ученый указал на нее: – Это «Королева Нарнии». – Затем опорожнил другой конверт и ткнул пальцем в кучку пурпурного цвета: – А это «Сердце вечно-сти». – Один за другим он высыпал содержимое оставшихся конвертов: – «Призрак индиго», «Ultima Thule», «Четвертое июля», «Занзибарский зеленый».

Слова звучали как барабанный бой – один оглушительный удар следовал за другим. Коллопи в ужасе уставился на крохотные кучки блестящего песка.

– Дурацкая шутка, – наконец выдал он. – Это не могут быть музейные алмазы.

– Точный оттенок большинства этих знаменитых алмазов поддается количественному определению, – пояснил Шерман. – У меня имеются данные. Я изучил эти фрагменты, и оказалось, что их цвет полностью совпадает с цветом похищенных камней. Ошибки быть не может: это не что иное, как алмазы, украденные из музея.

– Но ведь наверняка не все, – слабо произнес Коллопи. – Он не мог уничтожить все алмазы.

– Вес песка, содержащегося в посылке, составляет два фунта сорок две сотых. Это приблизительно пять с половиной тысяч карат. Если учесть, что некоторая часть содержимого высыпалась, получается, что первоначально там было примерно шесть тысяч карат. Я сложил вес всех похищенных алмазов, он составил... – Шерман остановился, чтобы перевести дух.

– Ну и?.. – Коллопи дал выход своему раздражению.

– Он составил шесть тысяч сорок два карата, – шепотом закончил Шерман.

В лаборатории повисла тишина, нарушаемая лишь слабым гудением ламп дневного света. Наконец Коллопи поднял голову и твердо посмотрел в глаза пожилому ученому.

– Доктор Шерман... – начал он, но голос его сорвался, и пришлось начать сначала: – Доктор Шерман, эта информация не должна выйти за пределы данной комнаты.

Шерман, и без того бледный, побелел как полотно, но через мгновение молча кивнул, соглашаясь.

Глава 4

Уильям Смитбек-младший вошел в темное, наполненное смесью различных запахов помещение паба, именуемого «Кости», и окинул взглядом шумную толпу. Было пять часов пополудни, и в заведении собралось уже немало работников музея. Они приходили сюда, чтобы расслабиться после долгих часов утомительного труда, проведенных в огромном гранитном здании на другой стороне улицы. Почему, провозившись целый день с ископаемыми останками, эти люди шли отдыхать в заведение, где все стены, до последнего квадратного дюйма, были увешаны костями, оставалось для Билла загадкой. В последнее время сам он приходил в это место по одной причине – здесь можно было выпить отличного выдержанного односолодового виски, которое бармен припрятывал для него под стойкой. Стоило оно, конечно, совсем не дешево – тридцать шесть долларов за кружку, – но не травить же свой организм трехдолларовым «Катти Сарк»!

Билл заметил рыжеволосую головку Норы Келли, своей молодой жены, сидящей на их обычном месте в задней части зала. Помахал ей рукой, неторопливо подошел к столику и замер в картинной позе.

– Но что за проблеск света в том окне?² – спросил он драматическим шепотом и, наклонившись, быстро поцеловал ей руку, гораздо дольше задержался на губах и наконец уселся напротив. – Как дела?

– Как обычно. Я по-прежнему уверена, что музей – самое потрясающее место работы.

– Ты имеешь в виду сегодняшнюю угрозу биотеррористической атаки?

Нора кивнула:

– Кто-то отправил в отдел минералогии посылку, и из нее высыпался неизвестный порошок, который приняли за споры сибирской язвы или что-то столь же ужасное.

– Я слышал об этом. А старик Брайс даже написал статью.

Брайс Гарриман был коллегой Смитбека из «Таймс» и его извечным конкурентом. Правда, опубликовав недавно несколько сенсационных сообщений, Билл сумел немного обойти соперника.

Подошел официант и молча встал рядом со столиком, дожидаясь, пока они сделают заказ.

– Мне, пожалуйста, немного «Глена Гранта», – сказал Смитбек. – Отличная вещь!

– А мне бокал белого вина, – попросила Нора.

Официант тут же исчез.

– Эта история наделала много шума? – поинтересовался Смитбек.

Нора хихикнула:

– Ты бы видел Гринлоу – парня, обнаружившего посылку. Он был настолько уверен, что вот-вот отдаст концы, что спасателям пришлось нести его на носилках да еще напялить на него защитный костюм.

– Гринлоу? Не слышал о таком.

– Это новый вице-президент по административным вопросам. Перешел к нам из «Кон-Эд».

– И чем же она оказалась? Я имею в виду сибирскую язву.

– Шлифовальным порошком.

Официант принес напитки.

² Шекспир У. Ромео и Джульетта. II акт. Пер. Е. Савич.

– Шлифовальным порошком! – Смитбек расхохотался. – О господи, какая прелесть! – Взяв пузатый бокал, он осторожно взболтал янтарную жидкость и сделал глоток. – Но как все это произошло?

– Вероятно, упаковку повредили во время транспортировки, и порошок стал высыпаться. Посыльный оставил пакет Керли, ну а Гринлоу как раз в это время проходил мимо.

– Керли? Старик с трубкой?

– Тот самый.

– Он все еще работает в музее?

– Он не уйдет никогда.

– И как он ко всему этому отнесся?

– Как всегда, спокойно. Через несколько часов уже сидел в своей будке, словно ничего и не произошло.

Смитбек покачал головой:

– И кому же понадобилось отправлять с посыльным мешок песка?

– Даже не могу себе представить.

Билл сделал еще глоток.

– Думаешь, это было сделано специально? – задумчиво спросил он. – Чтобы вызвать в музее панику?

– Да ты настоящий детектив.

– Известно, кто отправил посылку?

– Кажется, на ней не было обратного адреса.

Эта маленькая деталь вдруг заинтересовала Смитбека, и он пожалел, что не потрудился прочитать статью Гарримана, хотя легко мог это сделать, поскольку она была размещена во внутренней сети «Таймс».

– Ты знаешь, сколько сейчас стоят услуги посыльного в Нью-Йорке? Сорок долларов.

– Может, это был какой-то ценный песок.

– Тогда почему отправитель не назвал себя? Кому была адресована посылка?

– Если не ошибаюсь, просто отделу минералогии.

Смитбек задумался и сделал еще один глоток «Глена Гранта». Журналистское чутье заставило его насторожиться: что-то во всей этой истории было не так. «Интересно, удалось ли Гарриману что-нибудь раскопать? – подумал он и сам себе ответил: – Черта с два!»

Достав свой мобильный, Смитбек спросил:

– Не против, если я позвоню?

Нора нахмурилась:

– Если это так уж необходимо...

Смитбек набрал номер музея и попросил соединить его с отделом минералогии. Ему повезло: кто-то из сотрудников еще оставался на месте. Смитбек быстро заговорил в трубку:

– Это мистер Гарриман из офиса... – Тут он произнес нечто нечленораздельное и продолжил: – У меня всего один вопрос: что за порошок содержался в посылке, которая вызвала такой переполох сегодня утром?

– Простите, я не понял... – ответили ему.

– Послушайте, у меня очень мало времени. Директор ждет ответа.

– Я ничего об этом не знаю.

– Но ведь кто-нибудь знает?

– Доктор Шерман.

– Позовите его к телефону.

Через мгновение в трубке послышался задыхающийся голос:

– Доктор Коллопи?

– Нет-нет, – откликнулся Смитбек. – Это Уильям Смитбек, репортер из «Нью-Йорк таймс».

Некоторое время его собеседник молчал, потом напряженно спросил:

– И чего же вы хотите?

– Я хочу задать несколько вопросов по поводу сегодняшней паники в связи с угрозой биотеррористической атаки...

– Ничем не могу вам помочь, – тут же послышалось в трубке. – Я уже рассказал все, что мне было известно, вашему коллеге мистеру Гарриману.

– Это всего лишь рутинная проверка, доктор Шерман. Вы не возражаете? – Тишина. – Посылка была адресована вам?

– Всему отделу, – последовал скупой ответ.

– На ней не был указан обратный адрес?

– Нет.

– И в ней содержался песок?

– Совершенно верно.

– Какой именно песок?

Мгновенная пауза.

– Корундовый.

– Сколько стоит такой песок?

– Я не могу назвать точную цифру, но думаю, что немного.

– Понятно. Это все. Спасибо.

Смитбек отсоединился и поймал на себе внимательный взгляд Норы.

– Не слишком-то вежливо разговаривать по мобильному телефону в общественном месте, – заметила она.

– Послушай, я же репортер, и это моя работа – нарушать приличия.

– Узнал все, что хотел?

– Нет.

– В музей была доставлена посылка с песком, который просыпался и напугал кое-кого до смерти. Все, конец истории.

– Не знаю... – Смитбек сделал большой глоток «Глена Гранта». – Человек, с которым я только что беседовал, почему-то очень нервничал.

– Доктор Шерман? Он просто легковозбудим.

– Мне показалось, что он был не просто возбужден. Он был по-настоящему испуган.

Смитбек вновь открыл телефон.

Нора издала стон:

– Если ты собираешься опять звонить, я лучше пойду домой.

– Ну пожалуйста, Нора! Всего один звонок, и мы пойдем ужинать в «Рэтлснейк». Мне действительно очень нужно позвонить. Уже шестой час, скоро все уйдут с работы. – Он быстро набрал номер и произнес в трубку: – Департамент здравоохранения?

Через какое-то время его соединили с нужной лабораторией.

– Лаборатория чрезвычайных ситуаций, – послышалось на другом конце линии.

– С кем я говорю?

– Меня зовут Ричард. А с кем я имею честь?

– Привет, Ричард, это Билл Смитбек из «Таймс». Ты здесь главный?

– Теперь я. Босс только что ушла домой.

– Завидую. Можно задать тебе несколько вопросов?

– Так, говоришь, ты репортер?

– Совершенно верно.

– Я так и подумал.

- Это та самая лаборатория, которая занималась посылкой, доставленной из музея?
- Именно.
- Что в ней было?

Смитбек услышал, как в трубке фыркнули:

- Алмазный песок.
- Не корундовый?
- Нет, именно алмазный.
- Ты лично его исследовал?
- А как же!
- Как он выглядел?
- На первый взгляд обычный песок коричневого цвета.

Смитбек на мгновение задумался, потом спросил:

- Как же ты понял, что это алмазный песок?
- По показателю рефракции частиц.
- Понятно. И его невозможно спутать с корундовым?
- Никоим образом.
- Ты, конечно же, исследовал его под микроскопом?
- Естественно.
- Как он выглядел?
- Замечательно. Как пригоршня цветных кристаллов.

Смитбек внезапно ощутил легкое покалывание в затылке.

- Цветных? Что ты имеешь в виду?
- Это были фрагменты алмазов всех цветов радуги. Никогда не думал, что алмазный песок так потрясающе красив.
- Тебе это не показалось странным?
- Многие вещи, которые представляются отвратительными человеческому глазу, под микроскопом кажутся образцом совершенства. Хлебная плесень, например, или тот же самый песок, если уж на то пошло.
- Но ты сказал, что песок был коричневым.
- Только в общей массе.
- Ясно. И что же ты сделал с этой посылкой?
- Мы отправили ее обратно в музей, и дело было замято.
- Спасибо.

Смитбек медленно опустил крышку телефона. «Невероятно. Этого не может быть!» – подумал он и, подняв голову, встретил пристальный взгляд Норы. На лице жены было явственно написано раздражение. Смитбек наклонился и взял ее за руку:

- Мне действительно очень стыдно, но я просто вынужден сделать еще один звонок.

Нора сложила руки на груди:

- А я-то думала, мы собирались хорошо провести вечер вдвоем.
- Еще один звонок! Пожалуйста! Ты даже можешь послушать. Поверь, это будет очень интересно.

Щеки у Норы порозовели. Смитбек знал: это верный признак того, что супруга вот-вот закипит. Торопливо набрав номер, он включил громкую связь.

- Доктор Шерман?
- Да.
- Это опять Смитбек из «Таймс».

– Мистер Смитбек, – прозвучал резкий ответ, – я уже сообщил вам все, что знаю. А теперь, если вы не против, я пойду. Мне придется поторопиться, чтобы не опоздать на поезд.

– Я знаю, что вещество, доставленное сегодня в музей, не корундовый песок, – произнес Билл.

На другом конце линии повисло молчание.

– И мне известно также, что это на самом деле.

Шерман продолжал молчать.

– Это коллекция алмазов, принадлежавшая музею.

Нора бросила на мужа быстрый взгляд.

– Доктор Шерман, – продолжал тот, – мне нужно с вами поговорить. Я сейчас приду в музей. Если доктор Коллопи еще не ушел, ему лучше тоже присутствовать при нашей беседе или хотя бы оставаться доступным по телефону. Не знаю, что вы рассказали моему коллеге Гарриману, но не советую вам пытаться скормить эту же чушь мне. То, что музей не смог уберечь свою коллекцию алмазов – между прочим, самую ценную в мире, – уже и так плохо. Но будет еще хуже, если за кражей последует скандал, связанный с попытками руководства скрыть тот факт, что эта коллекция была превращена в шлифовальный порошок. Думаю, попечителям музея это очень не понравится. Я ясно выразился, доктор Шерман?

Собеседник Билла некоторое время молчал, наконец из трубки послышался его тихий дрожащий голос:

– Мы не собирались ничего скрывать, уверяю вас, просто хотели выждать некоторое время, прежде чем сделать заявление.

– Я буду через десять минут. Никуда не уходите.

Смитбек тут же набрал еще один номер, на этот раз своего редактора в «Таймс».

– Фентон? Ты читал статью Брайса Гарримана об этой истории с сибирской язвой в Музее естественной истории? Лучше уничтожь ее. Я узнал, что случилось на самом деле. Это будет настоящая бомба! Оставь мне местечко на первой полосе.

Билл сложил телефон и посмотрел на жену. Лицо Нору больше не казалось сердитым. Оно было мертвенно-бледным.

– Диоген Пендергаст, – прошептала она. – Это он уничтожил алмазы?

Смитбек кивнул.

– Но почему?

– Это очень хороший вопрос, Нора. Но сейчас я должен идти. Мне нужно еще взять пару интервью и написать статью – и все это до полуночи, если я хочу успеть в общенациональный выпуск. Прими мои искренние извинения и клятву сводить тебя на ужин в кафе «Рэтлснейк». Мне действительно очень и очень жаль. Ложись спать, не жди меня.

Он встал и поцеловал Нору.

– Ты не перестаешь меня удивлять, – прошептала она.

Смитбек застыл в нерешительности, пытаясь идентифицировать абсолютно новое для него ощущение. Прошло целое мгновение, прежде чем он понял, что покраснел от удовольствия.

Глава 5

Доктор Фредерик Уотсон Коллопи стоял у огромного стола девятнадцатого века в своем кабинете, расположенном в юго-западной башне музея. На обитой кожей столешнице не было ничего, кроме утреннего номера «Нью-Йорк таймс». Коллопи еще не успел развернуть газету, да у него и не было в этом необходимости: все, что он хотел увидеть, было напечатано на первой полосе, как раз над линией сгиба, причем самым крупным шрифтом, который только могла себе позволить эта солидная газета.

Что ж, дело сделано, и ничего изменить нельзя.

Коллопи искренне верил, что занимает самое высокое положение в американской науке: еще бы, директор Нью-Йоркского музея естественной истории! На минуту он отвлекся от темы статьи и вспомнил имена своих великих предшественников: Огилви, Скотт, Трокмортон. Его целью, его единственным желанием было добавить свою фамилию к этому почетному списку, а не покрыть ее позором, как это сделали два предыдущих директора музея – ныне покойный (и не слишком оплакиваемый) Уинстон Райт и не очень-то компетентная Оливия Мерриам.

И вот теперь первую полосу «Таймс» украшал заголовок, который вполне мог сыграть для него роль надгробной плиты. В последнее время на него и так уже обрушилось несколько довольно крупных неприятностей. Подобные скандалы могли бы раздавить более слабого человека, но Коллопи выстоял, потому что повел себя решительно и хладнокровно. Именно так он собирался поступить и на этот раз.

В дверь тихонько постучали.

– Войдите, – откликнулся Коллопи.

В кабинет вошел хранитель отдела антропологии Хьюго Мензис, одетый с большей, чем обычно, элегантностью и меньшей академической небрежностью; за ним следовали руководитель отдела по связям с общественностью Джозефин Рокко и юрист музея, по иронии судьбы названная Берил Дарлинг³, – представитель адвокатской конторы «Уилфред, Спрэгг и Дарлинг».

Вошедшие уселись в кресла перед столом. Коллопи остался стоять, глядя на эту троицу и задумчиво поглаживая подбородок. Наконец он заговорил:

– Причины, по которым я пригласил вас на эту незапланированную встречу, вам известны. – Он бросил взгляд на газету. – Полагаю, вы видели сегодняшний выпуск «Таймс»?

Все трое кивнули в молчаливом согласии.

– Мы совершили ошибку, пытаясь скрыть то, что произошло, даже на короткое время. Когда я занял пост директора этого музея, я сказал себе, что буду вести дела по-другому, откажусь от излишне скрытного, а подчас и параноидального стиля руководства некоторых представителей предыдущих администраций. Я знал, что наш музей – величайшее научное учреждение, достаточно влиятельное, чтобы выдержать любые превратности судьбы, любые недоразумения и скандалы. – Коллопи немного помедлил. – Но, надеясь умолчать о пропаже нашей коллекции алмазов, решив скрыть этот факт, я допустил серьезную ошибку. Я изменил собственным принципам.

– Все эти извинения перед нами, конечно, очень похвальны, – своим обычным резким тоном заявила Дарлинг. – Но почему вы не посоветовались со мной, прежде чем принять такое поспешное и непродуманное решение? Неужели вы не понимали, что это не сойдет вам

³ В пер. с англ. *darling* – милый, очаровательный.

с рук? Своим поступком вы нанесли серьезный ущерб репутации музея и здорово осложнили мне работу.

Коллопи постарался сохранить спокойствие, напомнив себе: музей платит Дарлинг четыреста долларов в час именно за то, что она всегда говорит одну только правду. Он поднял руку, прося внимания:

– Ваши претензии понятны. Однако мне и в самом страшном сне не могло присниться, что такое может произойти – что наши алмазы будут превращены в...

Тут голос изменил ему, и он не смог закончить фразу. В комнате повисло неловкое молчание. Коллопи сглотнул и продолжил:

– Мы должны что-то предпринять. Мы должны отреагировать, причем немедленно. Именно поэтому я и пригласил вас на эту встречу.

Он вновь замолчал и прислушался к доносящимся из-за окна, с Мьюзим-драйв, крикам и призывам собравшихся там протестующих, полицейским сиренам и гудкам автомобилей.

Следующей заговорила Рокко:

– Телефоны в моем кабинете прямо-таки надрываются. Сейчас девять? Думаю, до десяти, самое позднее, до одиннадцати мы должны выступить с официальным заявлением. За все те годы, что я занимаюсь связями с общественностью, мне никогда не приходилось сталкиваться с чем-либо подобным.

Мензис заерзал на стуле и пригладил седые волосы.

– Можно я скажу?

Коллопи кивнул:

– Давай, Хьюго.

Мензис откашлялся, посмотрел на окно и перевел взгляд своих ярких синих глаз на Коллопи.

– Фредерик, во-первых, мы должны уяснить для себя следующее: произошла катастрофа, и с этим уже ничего не поделаешь. Ты слышишь эти крики? Сама мысль о том, что мы пытались замолчать кражу, привела людей в неистовство. Мы должны принять этот удар, принять прямо и честно. Признать свою ошибку и больше никого не вводить в заблуждение. – Он взглянул на Рокко. – Это первое, о чем я хотел сказать, и надеюсь, все со мной согласятся.

Коллопи вновь кивнул:

– А что же второе?

Мензис чуть подался вперед:

– Одного раскаяния будет недостаточно. Мы должны перейти в наступление.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы должны придумать нечто грандиозное. Сделать какое-нибудь потрясающее заявление, которое напечалит Нью-Йорку и всему миру, что, несмотря ни на что, наш музей останется одним из величайших в мире. Можно, например, снарядить научную экспедицию или запустить какой-то необыкновенный проект...

– Не слишком ли это очевидная уловка? – спросила Рокко.

– Возможно, некоторые именно так все и воспримут. Но через день-два критика стихнет, и у нас будет возможность привлечь интерес к нашему проекту и создать положительное общественное мнение.

– Какого рода проекту? – поинтересовался Коллопи.

– Об этом я пока не думал.

Рокко задумчиво покачала головой:

– Может, это и сработает. По случаю презентации проекта можно устроить гала-вечеринку, на которую пригласить только знаменитостей. Это станет главным событием сезона и

заставит прикусить языки журналистов и политиков, которые, конечно же, захотят попасть в список приглашенных.

– Звучит неплохо, – задумчиво пробормотал Коллопи.

Через мгновение вновь заговорила Дарлинг:

– Теоретически все это прекрасно. Не хватает лишь экспедиции, проекта и всего остального.

В этот момент на столе у Коллопи зажужжал интерком, и директор с заметным раздражением нажал на кнопку:

– Миссис Сёрд, я же просил нас не беспокоить.

– Я знаю, доктор Коллопи, но... видите ли, это в высшей степени необычное дело.

– Не сейчас.

– Но решение требуется немедленно.

Коллопи вздохнул:

– Ради всего святого, неужели это не может подождать десять минут?

– Речь идет о телеграфном банковском переводе на сумму в десять миллионов евро для...

– Пожертвование в размере десяти миллионов евро? Ну что ж, зайдите.

В кабинет вошла миссис Сёрд, полная энергичная женщина, с листом бумаги в руках.

– Простите, это займет не больше минуты, – сказал Коллопи и схватил бумагу. – От кого это и где я должен расписаться?

– От графа Тьерри де Каора. Он жертвует музею десять миллионов евро на реставрацию гробницы Сенефа.

– Гробницы Сенефа? Кто этот Сенеф, черт возьми? – Коллопи швырнул бумагу на стол. – Я займусь этим позже.

– Сэр, но здесь написано, что деньги лежат на депоненте и решение должно быть принято в течение часа.

Коллопи схватился за голову:

– Мы уже завалены этими чертовыми предложениями. А нам нужны просто деньги – чтобы оплачивать счета. Свяжитесь с этим графом – как его там – и постарайтесь уговорить его перечислить деньги без каких-либо условий. Используйте мое имя и наши обычные доводы. Мы не возьмем деньги, чтобы исполнять его прихоти.

– Хорошо, доктор Коллопи.

Миссис Сёрд повернулась, собираясь идти, и Коллопи снова обратился к участникам совещания:

– Кажется, последней говорила Берил?

Дарлинг открыла было рот, но Мензис повелительным жестом заставил ее замолчать.

– Миссис Сёрд, – обратился он к секретарше, – пожалуйста, подождите несколько минут, прежде чем связываться с графом де Каором.

Миссис Сёрд застыла в нерешительности, вопросительно глядя на Коллопи. Директор кивнул, подтверждая слова Мензиса, и она вышла из кабинета.

– В чем дело, Хьюго? – спросил Коллопи, когда дверь за секретаршей закрылась.

– Я пытаюсь вспомнить, – ответил Мензис. – Гробница Сенефа... Что-то знакомое. Имя графа де Каора я тоже когда-то слышал.

– Можем мы поговорить о более важных вещах? – нетерпеливо спросил директор музея.

Лицо Мензиса неожиданно прояснилось.

– Фредерик, это и есть самая важная вещь! Вспомни историю музея! Гробница Сенефа – это египетская экспозиция, которая была представлена в музее вскоре после его открытия и существовала, пока он не закрылся в годы Великой депрессии.

– И что же?

– Если память мне не изменяет, эта гробница была разграблена во время вторжения в Египет наполеоновских войск. Позднее украденные артефакты были захвачены французами. Затем их купил кто-то из попечителей музея, и они были собраны в подземных помещениях как экспонаты одной из первых выставок. Должно быть, они и сейчас там.

– А кто такой этот Каор? – спросила Дарлинг.

– Вместе с войсками Наполеон привел в Египет целую армию натуралистов и археологов. Каор возглавлял контингент археологов. Думаю, этот парень – его потомок.

Коллопи нахмурился:

– Какое отношение это имеет к нашей проблеме?

– Разве ты не понимаешь? Это как раз то, что нам нужно!

– Старая пыльная гробница?

– Именно! Мы повсюду рассказываем о пожертвовании графа, назначаем дату открытия экспозиции, устраиваем гала-вечеринку и делаем из этого настоящее медиасобытие. – Мензис с надеждой посмотрел на Рокко.

– Да, – ответила она, – пожалуй, это может сработать. Египет всегда привлекал внимание самой широкой общественности.

– Может сработать? Это обязательно работает! Самое главное то, что гробница уже существует. Выставка «Священные образы» слишком затянулась, пора заменить ее чем-то новым. Мы смогли бы подготовить экспозицию за пару месяцев или даже быстрее.

– Многое зависит от состояния гробницы.

– Как бы то ни было, она находится в музее. Не исключено, что с нее достаточно просто смахнуть пыль. Наши хранилища полны всяких египетских штучек, которые можно поместить в гробницу, чтобы пополнить выставку. Граф предлагает огромные деньги – их хватит на любые реставрационные работы.

– Не понимаю, – проговорила Дарлинг, – как можно было забыть об этой гробнице на целых семьдесят лет!

– Скорее всего, ее заложили кирпичом – так часто поступают со старыми экспозициями, чтобы обеспечить их сохранность. – Мензис улыбнулся, но улыбка вышла невеселой. – В этом музее очень много ценных артефактов, но слишком мало хранителей, чтобы обеспечить им необходимый уход. Вот почему я уже много лет добиваюсь введения здесь должности музейного историка. Кто знает, какие еще тайны скрыты в его далеких уголках?

На короткое время в кабинете повисла тишина. Она была нарушена директором музея, который резко опустил ладонь на столешницу.

– Что ж, так и поступим. – Коллопи взял телефонную трубку. – Миссис Сёрд? Передайте графу: пусть переводит деньги. Мы принимаем его условия.

Глава 6

Нора Келли стояла посреди лаборатории, пристально глядя на большой предметный стол с разложенными на нем фрагментами древней керамики культуры анасази. Черепки были не совсем обычными – при ярком освещении они казались почти золотыми из-за бесчисленных вкраплений слюды. Нора привезла их из летней экспедиции, из местности на юго-западе, носящей название Четыре Угла, и теперь раскладывала на огромной контурной карте – каждый именно в той точке, где он был найден.

Она смотрела на блестящие предметы, в который раз пытаясь составить из них полную картину. Целью ее исследования было установление путей распространения оригинальной керамики из центра, находящегося в южной части Юты, на юго-запад и дальше, за пределы штата. Зарождение этой гончарной традиции обычно связывали с религиозным культом Качина, последователями которого были ацтеки Мексики, и Нора не сомневалась, что, установив пути перемещения этой традиции на юго-запад, сможет получить более точное представление и о путях распространения самого культа.

Но черепков было слишком много, к тому же большая их часть датировалась четырнадцатым веком до нашей эры, поэтому собрать все данные воедино представлялось чрезвычайно сложной задачей, а ведь Нора даже еще не приступила к ее решению. Женщина внимательно смотрела на древние артефакты: ответ крылся именно в них, ей нужно лишь найти его.

Вздохнув, она отпила кофе, мысленно порадовавшись тому, что подземная лаборатория служила надежным убежищем от бури, бушевавшей наверху, возле здания музея. Вчера возникла угроза сибирской язвы, но сегодня дела обстояли еще хуже, и в этом была большая заслуга ее мужа Билла, обладающего настоящим талантом создавать неприятности. Утром в «Таймс» была напечатана его статья, из которой следовало, что порошок, подброшенный в музей, – не что иное, как алмазы стоимостью сотни миллионов долларов, украденные из него и превращенные похитителем в пыль. Эта новость вызвала волнение, подобного которому Нора не могла припомнить. Мэр, застигнутый врасплох телекамерами у своего офиса, уже обвинил во всем директора музея и потребовал его немедленной отставки.

Нора попыталась сосредоточиться на глиняных черепках. Все пути их распространения брали начало в одном-единственном месте – на месторождении редкого вида глины у подножия плато Кайпаровиц в штате Юта, где она обжигалась обитателями больших, спрятанных в каньонах скальных пещер. Именно оттуда керамические изделия попали в такие отдаленные места, как Северная Мексика и западная часть Техаса. Но как и когда это произошло? И кто их туда доставил?

Нора поднялась и, подойдя к шкафу, взяла с полки последний, еще не распакованный пакет с черепками. В лаборатории стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь мирным жужжанием кондиционера. За ее стенами простиралась огромная территория, занятая хранилищами. Здесь стояли старинные дубовые шкафы с застекленными дверцами, битком набитые горшками, наконечниками для стрел, топорами и другими артефактами. Из соседнего помещения, где хранились индейские мумии, потянуло слабым запахом дезинфекции. Нора вновь принялась раскладывать черепки на карте, заполняя ими последний оставшийся свободным угол и аккуратно записывая каталожные номера.

Вдруг она замерла на месте. Ей послышался скрип открываемой двери и звук тихих шагов по покрытому пылью полу. Неужели она не заперла дверь? Конечно, это было глупо, но огромные безмолвные подземные помещения музея с их плохо освещенными коридорами и темными хранилищами всегда внушали Норе страх. К тому же она прекрасно помнила, что

случилось с ее подругой Марго Грин всего несколько недель назад в темном выставочном зале, расположенном двумя этажами выше – как раз над тем местом, где она сейчас стояла.

– Кто здесь? – крикнула Нора.

Из полумрака появилась человеческая фигура. Вначале Нора разглядела лишь очертания лица, потом – коротко подстриженную бороду и седые волосы и с облегчением вздохнула. Это оказался всего лишь Хьюго Мензис, хранитель отдела антропологии и ее непосредственный начальник. Он был все еще бледен после недавнего приступа желчнокаменной болезни, а его обычно веселые глаза казались воспаленными.

– Привет, Нора, – сказал смотритель, добродушно улыбаясь. – Можно к вам?

– Конечно.

Мензис уселся на стул.

– Как у вас здесь хорошо, тихо. Вы одна?

– Да. Что нового наверху?

– Толпа продолжает расти.

– Я видела этих людей, когда шла на работу.

– Происходит нечто ужасное. Они выкрикивают оскорбления в адрес сотрудников, глумятся над ними. Заблокировали движение на Мьюзим-драйв. И боюсь, это только начало. Одно дело – заявления мэра и губернатора, но совсем другое, когда возмущение выражают жители Нью-Йорка. Боже сохрани нас от гнева толпы.

Нора покачала головой:

– Мне очень жаль, что причиной всего этого стал Билл.

Мензис мягко положил руку ей на плечо:

– Он был всего лишь орудием. И оказал музею услугу, рассказав о недалёковидном плане руководства, прежде чем тот был исполнен. Правда все равно бы вышла наружу – рано или поздно.

– Не могу себе представить, кому понадобилось сначала украсть все алмазы, а потом уничтожить.

Мензис пожал плечами:

– Кто знает, что творится в голове у сумасшедшего? Ясно одно: этот человек испытывает настоящую ненависть к музею.

– Что же музей ему сделал?

– На этот вопрос может ответить только он сам. Но я пришел сюда не для того, чтобы рассуждать о мотивах, которыми руководствовался преступник, а совсем по другой причине. И эта причина связана с тем, что творится наверху.

– Я вас не понимаю.

– В кабинете доктора Коллопи только что прошло совещание. На нем мы приняли некое решение, и оно непосредственно касается вас.

Нора молчала, ощущая усиливающуюся тревогу.

– Вам что-нибудь известно о гробнице Сенефа?

– Никогда о ней не слышала.

– Неудивительно. Мало кто из сотрудников музея о ней помнит. Это была одна из самых первых экспозиций музея – египетская гробница из Долины Царей, восстановленная в одном из подземных помещений. В тридцатые годы она была законсервирована, и с тех пор о ней никто не вспоминал.

– И что же?

– Музею сейчас необходимы позитивные новости; нужно бы напомнить людям, что мы делаем и много хорошего. Мы должны отвлечь внимание общественности от скандала. Здесь-то нам и пригодится гробница Сенефа. Мы собираемся ее открыть, и я хочу, чтобы этим проектом руководили вы.

– Я? Но ведь я и так уже несколько месяцев не занималась собственными исследованиями, помогая готовить экспозицию «Священные образы»!

На лице Мензиса заиграла насмешливая улыбка.

– Совершенно верно. Именно поэтому я к вам и обращаюсь. Потому что знаю, какую работу вы проделали со «Священными образами». Вы одна в отделе сможете справиться с этой задачей.

– И за какое же время?

– Коллопи хочет, чтобы выставка открылась как можно скорее. У нас есть шесть недель.

– Вы, должно быть, шутите!

– У нас действительно нет времени. Музей уже давно не получает финансовой помощи, а после этого последнего скандала может случиться что угодно.

Нора ничего не сказала.

– Дело в том, – мягко продолжил Мензис, – что мы только что получили десять миллионов евро – тринадцать миллионов долларов – на финансирование этого проекта. Но деньги, конечно, не главное. Это даст нам всеобщую поддержку – от попечительского совета до всяких там объединений. Гробница Сенефа законсервирована, следовательно, должна находиться в довольно хорошем состоянии.

– Пожалуйста, не просите меня об этом. Поручите гробницу Эштону.

– Эштон не умеет улаживать конфликты. А вы прекрасно тогда справились с протестующими на открытии «Священных образов». Я все видел. Нора, музей сейчас ведет борьбу за выживание. Вы нужны мне. Вы нужны музею.

В лаборатории повисла тишина. Нора с упавшим сердцем смотрела на свои черепки.

– Я ничего не знаю о Древнем Египте.

– Мы пригласим вас в помощь лучшего египтолога.

Нора поняла, что у нее нет выбора, и тяжело вздохнула:

– Хорошо, я согласна.

– Bravo! Именно это я и хотел услышать! Теперь вот что. Мы, конечно, не успели как следует все обсудить, но, поскольку гробница не экспонировалась семьдесят лет, нужно будет придумать что-то новенькое. В наши дни никого уже не заинтересует статичный набор артефактов – необходимы мультимедийные приемы. И конечно же, торжественное открытие, на которое каждый житель Нью-Йорка с социальными амбициями просто обязан будет купить билет.

Нора с сомнением покачала головой:

– И на все это – шесть недель?

– Я подумал, у вас возникнут какие-то идеи.

– Когда они вам нужны?

– Боюсь, прямо сейчас. Через полчаса у доктора Коллопи пресс-конференция, на которой он собирается сообщить о выставке.

– О нет! – Нора тяжело опустилась на стул. – Вы уверены, что спецэффекты так уж необходимы? Ненавижу эти компьютерные штучки. Только отвлекают от экспонатов.

– К сожалению, в наши дни музею без них не обойтись. Взять хотя бы новую Библиотеку Авраама Линкольна. Да, согласен, в каком-то смысле это немного вульгарно, но на дворе двадцать первый век, и нам приходится конкурировать с телевидением и видеоиграми. Нора, ну пожалуйста, идеи нужны мне прямо сейчас. На директора обрушатся тысячи вопросов, и мне бы хотелось, чтобы он смог хоть что-то рассказать о выставке.

Нора вздохнула. С одной стороны, ее приводила в отчаяние мысль о том, что опять придется отложить исследование, работать по семьдесят четыре часа в неделю и совсем не видеть мужа, с которым она успела прожить всего несколько месяцев. С другой стороны, если уж братья за это – а у нее, похоже, не было выбора, – то надо сделать все как следует.

– Нам не нужны дешевые трюки вроде мумий, встающих из саркофагов, – наконец произнесла она. – Выставка должна носить познавательный характер.

– Совершенно с вами согласен.

Нора на минуту задумалась.

– Если не ошибаюсь, гробница была разграблена?

– В древности, как и большинство египетских гробниц. Возможно, теми самыми жрецами, которые и хоронили Сенефа. Кстати, он был не фараоном, а визирем и регентом при Тутмосе Четвертом.

Нора молча переваривала услышанное. Она не сомневалась, что предложение возглавить работы по подготовке большой новой выставки, которая станет особенно заметным событием, – большая честь для нее. Она была заинтригована и даже, помимо собственной воли, начинала испытывать интерес к неожиданно возникшему проекту.

– Если вы хотите нечто эффектное, – сказала она, – давайте воспроизведем сам момент ограбления. Мы можем показать грабителей за работой – их страх быть пойманными, страх перед тем, что их ожидает, если они будут пойманы. И все это дополнить комментарием к происходящему и рассказом о том, кто такой был этот Сенеф...

Мензис кивнул:

– Превосходно, Нора.

Нора ощутила растущее возбуждение.

– Если сделать это как следует, с компьютерными эффектами, экспозиция произведет на посетителей незабываемое впечатление – словно сама история оживет в гробнице.

– В один прекрасный день вы станете директором этого музея.

Нора покраснела. Слова шефа не показались ей неприятными.

– Я и сам подумывал устроить из выставки светозвуковое шоу. Потрясающе! – С нехарактерной для него страстью Мензис схватил Нору за руку. – Это спасет музей. И обеспечит вашу карьеру в нем. Как я уже говорил, о деньгах и помощи не думайте – их будет столько, сколько нужно. Что касается компьютерных эффектов, позвольте позаботиться об этом мне. А вы сосредоточьтесь на артефактах и композиции. Шесть недель как раз хватит, чтобы подогреть интерес публики и поработать с прессой. Надеюсь получить приглашение, журналисты не будут поливать музей грязью. – Он взглянул на часы. – Мне нужно успеть подготовить Коллопи к пресс-конференции. Спасибо, Нора, большое вам спасибо.

И Мензис быстро вышел из лаборатории, оставив Нору одну.

Она с сожалением посмотрела на стол, на тщательно разложенные черепки и стала собирать их – один за другим – и укладывать в пакеты.

Глава 7

Специальный агент Спенсер Коффи свернул за угол и направился к офису начальника тюрьмы. Его ботинки с железными набойками на каблуках громко стучали по гладкому цементному полу, и это доставляло ему немалое удовольствие. Коренастый усатый агент Рабинер почтительно следовал за ним. Остановившись перед тяжелой дубовой дверью, Коффи постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

Секретарь начальника тюрьмы, худенькая женщина с осветленными волосами и следами от угревой сыпи на лице, окинула его удивленно-высокомерным взглядом.

– Что вам угодно?

– Агент Коффи из Федерального бюро расследований. – Он помахал у нее перед носом удостоверением. – У нас назначена встреча с вашим шефом, и мы очень торопимся.

– Я сейчас доложу, – сказала она, и ее голос с провинциальным акцентом заставил Коффи поморщиться.

Он посмотрел на Рабинера и закатил глаза. Ему уже довелось сегодня иметь дело с этой женщиной – тогда она бросила трубку, и нынешняя встреча лишь подтвердила, что секретарша была воплощением всего, что он презирал в людях: деревенская выскочка, вскарабкавшаяся наверх и решившая, что теперь она важная персона.

– Агент Коффи и... – Секретарь взглянула на Рабинера.

– Специальный агент Коффи и специальный агент Рабинер.

Женщина с оскорбительной неторопливостью подняла трубку интеркома и произнесла:

– Сэр, вас желают видеть агенты Коффи и Рабинер. Они говорят, что вы назначили им встречу. – Немного подождав, она положила трубку, всем своим видом показывая Коффи, что, в отличие от него, никуда не торопится. – Мистер Имхоф, – сказала она наконец, – примет вас.

Проходя мимо ее стола, Коффи неожиданно остановился.

– Ну и как дела на вашей ферме?

– Похоже, для свиней начинается сезон спаривания, – тут же ответила она, не удостоив его взглядом.

Коффи вошел в кабинет начальника тюрьмы, недоумевая, что имела в виду эта сука и следует ли считать ее слова оскорблением.

Агенты закрыли за собой дверь, и Гордон Имхоф поднялся из-за большого стола со столешницей из огнеупорного пластика. Коффи никогда не видел его лично и подумал, что начальник тюрьмы выглядит гораздо моложе, чем он себе представлял. Это был невысокий подтянутый мужчина с козлиной бородкой и холодными голубыми глазами. Агент Коффи отметил также безупречный костюм и волосы, уложенные феном. Ему трудно было вынести об Имхофе какое-то суждение. В старые добрые времена, чтобы получить эту должность, нужно было прослужить не один десяток лет, упорно карабкаясь по ступенькам служебной лестницы. Имхоф же выглядел так, словно получил где-то докторскую степень по специальности «управление исправительными заведениями» и не был знаком с удовольствием, которое получаешь, нанося удары дубинкой по человеческому телу. Однако его плотно сжатые тонкие губы заставили Коффи подумать, что у этого человека, возможно, все впереди.

Имхоф поочередно протянул руку Коффи и Рабинеру.

– Садитесь.

– Спасибо.

– Как прошел допрос?

– Дело потихоньку раскручивается, – ответил Коффи. – И уж если такой случай не заслуживает смертной казни по федеральному законодательству, тогда я не знаю... Но этого парня голыми руками не возьмешь. Возникли некоторые осложнения. – Коффи не упомянул, что на самом деле допрос прошел плохо, очень плохо.

Лицо Имхофа оставалось непроницаемым.

– Я хочу кое-что пояснить, – продолжил Коффи. – Одной из жертв этого убийцы стал мой коллега и друг, один из лучших агентов за всю историю ФБР.

Сказав это, Коффи усмехнулся про себя. Старший специальный агент Майк Декер был тем самым человеком, из-за которого семь лет назад, после серии убийств в музее, его с позором отстранили от должности. Радость, которая охватила Коффи при известии о смерти Декера, невозможно было описать словами. Нечто подобное он испытал лишь еще один раз – когда узнал имя убийцы. Это был особый момент в его жизни.

– Таким образом, мистер Имхоф, в вашей тюрьме содержится не совсем обычный заключенный. Это серийный убийца наиболее опасного типа, лишивший жизни по меньшей мере трех человек. Хотя наш интерес к нему вызван только убийством федерального агента. Другими эпизодами пусть занимается администрация штата Нью-Йорк. Тем не менее мы надеемся, что к тому времени, когда и они вынесут ему приговор, преступнику уже будет сделана смертельная инъекция.

Имхоф слушал, склонив голову.

– Этот заключенный, кроме того, наглый ублюдок, – продолжал Коффи. – Мне доводилось работать с ним по одному делу несколько лет назад. Он считает себя выше всех, уверен, что правила существуют не для него. У него нет никакого уважения к власти.

При слове «уважение» Имхоф оживился.

– Если как начальник этого учреждения я чего и требую от остальных, так это уважения. Дисциплина начинается там, где начинается уважение, и наоборот.

– Совершенно с вами согласен, – поддакнул Коффи. Он решил следовать именно этому направлению в разговоре, надеясь в конце концов разозлить начальника тюрьмы и заставить его показать зубы. – Кстати, об уважении. Во время допроса заключенный сказал о вас кое-что. – Тут Коффи наконец заметил интерес, мелькнувший в глазах Имхофа. – Но мне бы не хотелось это повторять. Ведь мы с вами научились не обращать внимания на такие мелочи.

Имхоф подался вперед.

– Если заключенный каким-то образом продемонстрировал отсутствие уважения – речь идет не о чем-то личном, а именно об уважении к данному учреждению, – я должен об этом знать.

– Его слова были обычным дерьмом, и мне не хотелось бы произносить их еще раз.

– И тем не менее мне хотелось бы их услышать.

Заключенный, конечно же, ничего не говорил. В этом-то и заключалась проблема.

– Ну, он называл вас разбухшим от пива нацистским ублюдком, бошем, «капустником», все в таком роде.

Имхоф нахмурился, и Коффи понял, что попал в точку.

– Что еще он говорил? – тихо поинтересовался начальник тюрьмы.

– Очень грубые вещи. Что-то о размере вашего... Впрочем, подробностей я не помню. В комнате повисла гнетущая тишина. Козлиная борода Имхофа слегка подрагивала.

– Я же сказал – обычная чушь. Однако это свидетельствует о том, что заключенный не увидел для себя пользы от сотрудничества с нами. А знаете почему? Будет он отвечать на наши вопросы или не будет, будет проявлять уважение к вам и вашему учреждению или нет – для него ничего не изменится. И с этим нужно что-то делать. Он должен понять, что неправильный выбор повлечет за собой серьезные последствия. И еще одно: его необходимо содержать в полной, абсолютной изоляции. Нельзя позволить ему передавать какие-либо

сообщения на волю. Появились предположения, что он контактирует со своим братом, который находится в бегах. Поэтому никаких телефонных звонков, никаких встреч с адвокатом – полное отсутствие общения с внешним миром. Мы ведь не хотим, чтобы ослабление бдительности стало причиной еще большего зла. Вы понимаете, что я имею в виду, сэр?

– Конечно понимаю.

– Хорошо. Его необходимо заставить увидеть преимущества сотрудничества. Мне бы очень хотелось поработать с ним резиновой дубинкой и хлыстом – меньшего он не заслуживает, – но, к несчастью, это невозможно. Ведь мы же не хотим, чтобы на суде вдруг всплыли неприятные для нас подробности? Он, может, и сумасшедший, но не идиот. Такому парню, как он, нельзя давать ни одного шанса. У него достаточно денег, чтобы сделать своим адвокатом Джонни Кохрана.

Коффи замолчал, потому что впервые за все время беседы увидел на лице Имхофа улыбку. И эта улыбка, и выражение ледяных голубых глаз начальника тюрьмы обдали специального агента холодом.

– Я понял, в чем ваша проблема, агент Коффи. Заключение необходимо продемонстрировать ценность сотрудничества. Я лично позабочусь об этом.

Глава 8

Тем самым утром, на которое было назначено вскрытие гробницы Сенефа, Нора вошла в просторный кабинет Мензиса и увидела шефа сидящим в своем любимом кресле и занятым беседой с каким-то молодым человеком. Заметив ее, Мензис и его гость тут же поднялись с места.

– Нора, – сказал Мензис, – разрешите представить вам доктора Эдриана Уичерли, того самого египтолога, о котором я вам говорил. Эдриан, это доктор Нора Келли.

Уичерли с улыбкой наклонил голову, и Нора отметила, что выглядит он безукоризненно: костюм с Сэвил-роу, дорогие туфли, клубный галстук. Единственной вольностью в его облике казалась густая копна каштановых волос. Завершая беглый осмотр, Нора задержала взгляд на удивительно красивом лице Уичерли: ямочки на щеках, ясные голубые глаза и безупречно белые зубы. На вид ему было не более тридцати.

– Чрезвычайно рад с вами познакомиться, доктор Келли, – произнес он с изысканным оксбриджским акцентом и, осторожно пожав Норе руку, одарил ее еще одной ослепительной улыбкой.

– Взаимно. И пожалуйста, зовите меня Норой.

– Конечно, Нора. Простите мне этот официальный тон – из-за своего старомодного воспитания я чувствую себя не совсем в своей тарелке по эту сторону океана. Я лишь хотел сказать: просто потрясающе, что я здесь и буду заниматься этим проектом!

«Потрясающе?» Нора с трудом сдержала улыбку: Эдриан Уичерли казался почти карикатурой на тот тип молодого экстравагантного британца, который, как она считала, вряд ли можно было найти где-то еще, кроме романов Вудхауса.

– У Эдриана отличные рекомендации, – сообщил Мензис. – Он защитил докторскую диссертацию в Оксфорде, руководил раскопками гробницы KV-42 в Долине царей, был профессором египтологии в Кембридже, написал монографию «Фараоны Двадцатой династии».

Нора с уважением посмотрела на Уичерли. Он был удивительно молод для ученого с такими заслугами.

– Впечатляет...

Уичерли изобразил смущение:

– Это всего лишь академическая чепуха, не стоит придавать ей значение.

– Не скажите. – Мензис взглянул на часы. – В десять у нас назначена встреча с представителем отдела эксплуатации. Насколько я понимаю, никто точно не знает, где сейчас находится гробница Сенефа. Единственное, что можно сказать с уверенностью, – это что она была заложена кирпичом и с тех пор никто не имел к ней доступа. Нам придется ломать стену.

– Звучит интригующе, – пробормотал Уичерли. – Я ощущаю себя прямо-таки Говардом Картером.

Старая, отделанная медью лифтовая кабинка спускалась вниз, скрежеща и постанывая. Выйдя из лифта у отдела эксплуатации, они миновали машинное отделение, плотницкую и наконец подошли к открытой двери, ведущей в тесный кабинет. Сидевший за столом человек внимательно изучал сложенные перед ним стопкой чертежи. Мензис постучал по филенке, и хозяин кабинета вышел из-за стола.

– Хочу представить вам обоим мистера Симуса Маккоркла, – сказал Мензис. – Он знает о планировке музея, пожалуй, больше, чем кто-либо из ныне живущих людей.

– Хотя и это совсем не много, – произнес Маккоркл.

Это был человек невысокого роста, лет пятидесяти на вид, с тонким кельтским лицом и высоким пронзительным голосом.

Закончив церемонию знакомства, Мензис повернулся к Маккорклу:

– Вы нашли нашу гробницу?

– Думаю, да. – Маккоркл кивком указал на кипу старых чертежей. – Не так-то просто отыскать что-либо в этих старых развалинах.

– Почему же? – поинтересовался Уичерли.

Маккоркл скатал верхний чертеж в трубку:

– Музей состоит из тридцати четырех связанных между собой зданий, расположенных на территории свыше шести акров. Общая площадь всех помещений – более двух миллионов квадратных футов, протяженность коридоров – восемнадцать миль, не считая подземных тоннелей, которые никто еще не потрудился как следует изучить и нанести на чертежи. Я как-то попытался подсчитать, сколько здесь комнат: дошел до тысячи и бросил. Музей постоянно строился и перестраивался все сто сорок лет своего существования. Такова особенность всех музеев: коллекции переносятся с места на место, одни помещения объединяются, другие разделяются и переименовываются. И многие из этих изменений не отражаются на чертежах.

– Но не могла же потеряться целая египетская гробница! – воскликнул Уичерли.

Маккоркл рассмеялся:

– Это было бы непросто, даже в нашем музее. Проблема лишь в том, где искать вход. Его заложили в тысяча девятьсот тридцать пятом году, когда прокладывали тоннель от станции метро «Восемьдесят первая улица». – Он сунул чертежи под мышку и взял старый кожаный портфель, который лежал на столе. – Пойдемте?

– Вы первый, – сказал Мензис.

Они пошли по коридору со стенами, выкрашенными в ядовито-зеленый цвет, мимо технических помещений и хранилищ. Это было самое оживленное место подземных владений музея. Проходя мимо того или иного помещения, Маккоркл давал ему краткую характеристику:

– Это слесарный цех. Здесь раньше стояли бойлеры, а теперь хранится коллекция скелетов китов. Это хранилище останков динозавров юрского периода... Меловой период... Млекопитающие олигоцена... Млекопитающие плейстоцена... Морские коровы и ламантины...

Затем хранилища сменились лабораториями. Их блестящие стальные двери являли собой странный контраст с ветхим коридором, освещаемым тусклыми лампами в проволочных сетках, с проложенными над полом старыми трубами парового отопления.

Они прошли мимо такого количества закрытых дверей, что Нора сбилась со счета. Одни были старыми и отпирались ключами, которые их проводник выбирал из большой связки; другие, более современные, представляли собой часть недавно введенной в музей системы безопасности, и Маккоркл открывал их магнитной карточкой. По мере того как они углублялись в подземные лабиринты музея, коридоры становились все более пустыми, а тишина в них – все более гнетущей.

– Должен сказать, этот музей ничуть не меньше Британского, – нарушил молчание Уичерли.

Маккоркл презрительно фыркнул:

– Больше! Гораздо больше!

Подойдя к старинным двустворчатым металлическим дверям с заклепками, Маккоркл открыл их большим железным ключом. За дверями разверзлась темнота. Маккоркл щелкнул выключателем, и перед ними предстал длинный, некогда нарядный коридор, стены которого покрывали выцветшие фрески. Присмотревшись, Нора поняла, что на них изображены пейзажи Нью-Мексико – горы, пустыни и развалины многоэтажного индейского храма, в котором она узнала Таос-Пуэбло.

– Фремонт Эллис, – пояснил Мензис. – Когда-то здесь был зал юго-западных территорий. Его закрыли в сороковых.

– Прекрасные фрески, – произнесла Нора.

– Да. И очень ценные.

– Их нужно привести в порядок, – заметил Уичерли. – Видите то безобразное пятно?

– Все упирается в деньги, – ответил Мензис. – Если бы не объявился наш граф с необходимой суммой, гробница Сенефа, возможно, пребывала бы в забвении еще семьдесят лет.

Маккоркл отпер следующую дверь, за которой открылся еще один тускло освещенный зал, превращенный в хранилище. Полки были уставлены ярко расписанными горшками, за застекленными дверцами дубовых шкафов угадывались очертания древних артефактов.

– Юго-западная коллекция, – кивнул Маккоркл.

– Я ничего о ней не знала! – в изумлении воскликнула Нора. – Все это необходимо тщательно изучить.

– Но сначала, как сказал Эдриан, привести в порядок, – вставил Мензис. – И для этого опять же нужны деньги.

– Тут дело не только в деньгах, – возразил Маккоркл, и на его лице появилось странное, болезненное выражение.

Нора и Уичерли обменялись взглядами.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Нора.

Мензис закашлялся:

– Думаю, Симус хочет напомнить нам, что первые... э-э... убийства, совершенные Музейным зверем, произошли неподалеку от зала юго-западных территорий.

Все замолчали, а Нора подумала, что неплохо бы взглянуть на эти коллекции позже – лучше в присутствии более многочисленной группы людей. Может, ей удастся получить разрешение на перевод коллекций в современное, хорошо оборудованное хранилище.

За следующей дверью находилась небольшая комната, стены которой от пола до потолка были уставлены черными металлическими ящиками. Ученые также увидели наполовину скрытые ящиками постеры и рекламные плакаты двадцатых – тридцатых годов, украшенные надписями в стиле ар-деко и изображениями сестер Гибсон. В минувшие годы здесь, вероятно, было что-то вроде передней. В помещении пахло дезинфекцией и еще чем-то неприятным – Нора решила, что это запах старой вяленой говядины.

В дальнем углу комната переходила в огромный зал. В отраженном свете Нора смогла рассмотреть, что его стены также покрывают фрески, на этот раз с изображениями пирамид и Сфинкса – но не полуразрушенных, а словно бы только что построенных.

– Мы приближаемся к старым Египетским галереям, – пояснил Маккоркл.

Они вошли в зал, служивший хранилищем. Ряды полок были прикрыты прозрачными листами пластика, которые в свою очередь покрывал слой пыли.

Маккоркл развернул чертежи и прищурился, пытаясь в полумраке отыскать на них нужное место.

– Если мои расчеты верны, – сказал он, – вход в гробницу располагался там, где сейчас пристройка, в дальнем конце.

Уичерли подошел к одному из стеллажей и отодвинул пластик. За ним Нора увидела ряды керамической посуды, позолоченные стулья и лежанки, подголовники, плетеные сосуды для воды и небольшие алебастровые, фаянсовые и глиняные фигурки.

– Господи, ведь это одна из лучших коллекций ушебти⁴, которые мне когда-либо доводилось видеть! – воскликнул Уичерли, повернувшись к Норе. – Да здесь материала на две

⁴ Ушебти – в Древнем Египте статуэтки с сельскохозяйственными орудиями в руках, помещенные в погребения. По представлениям египтян, должны были работать вместо покойного на загробных полях.

гробницы! – Он благоговейно взял в руки одну из фигурок и внимательно ее осмотрел. – Древнее царство, Вторая династия, правление фараона Хетепсехемви.

– Доктор Уичерли, согласно правилам обращения с объектами... – начал Маккоркл, и в его голосе прозвучало предостережение.

– Все в порядке, – перебил его Мензис. – Доктор Уичерли – специалист по Древнему Египту. Я за него отвечаю.

– Хорошо, – ответил Маккоркл в некотором смущении.

Нора подумала, что этот маленький человечек, вероятно, уже привык считать коллекции своей собственностью. И в каком-то смысле он имел на это право, поскольку был одним из немногих, кто их когда-либо видел.

Уичерли переходил от одного стеллажа к другому, глаза его алчно поблескивали.

– Смотрите! Здесь есть даже коллекция артефактов эпохи неолита с верховьев Нила! Боже милостивый! Вы только взгляните на этот церемониальный тхатоф! – Он держал в руках вытесанный из серого камня нож примерно в фут длиной.

Маккоркл бросил на Уичерли недовольный взгляд. Археолог с величайшей осторожностью вернул нож на место и задвинул пластик.

У следующей обитой железом двери им пришлось задержаться: Маккоркл не сразу сумел ее открыть и долго подбирал ключи, прежде чем нашел нужный. Когда дверь, громко скрипя, отворилась, с петель посыпалась ржавчина.

Глазам ученых открылось небольшое помещение, заставленное саркофагами из крашеного дерева. Некоторые из них не имели крышек, и внутри Нора увидела мумии – одни были запеленаты, другие не имели погребальных покровов.

– Комната мумий, – произнес Маккоркл.

Уичерли протиснулся вперед.

– Боже! Да их здесь не меньше сотни! – Он отодвинул в сторону лист пластика, за которым скрывался большой деревянный саркофаг. – Смотрите!

Нора подошла поближе. Льняные пелены с лица и груди сорваны, рот приоткрыт, черные сморщенные губы ввалились, словно мумия кричала, протестуя против насилия. В грудной клетке зияла дыра – не хватало грудины и нескольких ребер.

Уичерли обернулся и посмотрел на Нору, глаза его блестели.

– Видите? – спросил он почти с благоговением. – Эта мумия была ограблена. Они сорвали пелены, чтобы забрать спрятанные в них ценные амулеты. А на месте этой дыры было изображение жука-скарабея из золота и нефрита – символ возрождения. Древние египтяне считали, что золото – это плоть богов, потому что оно никогда не тускнеет.

– Эту мумию можно положить в гробницу, – вмешался Мензис. – Идея – Норина идея – заключается в том, чтобы представить гробницу в момент ее разграбления.

– Блестяще! – воскликнул Уичерли и одарил Нору своей ослепительной улыбкой.

– Мне кажется, – подал голос Маккоркл, – что вход в гробницу был напротив вот той стены.

Поставив сумку на пол, он стал отодвигать пластик, закрывающий стеллажи у дальней стены комнаты. Взглядам присутствующих открылись горшки, чаши и корзины, наполненные какими-то черными сморщенными предметами.

– Что это? – спросила Нора.

Уичерли подошел поближе, чтобы рассмотреть как следует. После недолгого молчания он обернулся к своим спутникам:

– Это сохранившаяся пища. Хлеб, части туши антилопы, фрукты и овощи, финики – все это хранилось для путешествия фараона в загробный мир.

Вдруг за стеной послышался приближающийся шум, раздался громкий скрежет металла, затем все стихло.

– Здесь проходит линия метро, соединяющая Центральный парк с западной частью города. Станция «Восемьдесят первая улица» совсем близко.

– Нужно будет что-нибудь придумать, чтобы заглушить эти звуки, – задумчиво произнес Мензис. – Они испортят все впечатление.

Маккоркл пробормотал нечто нечленораздельное, потом достал из сумки какой-то электронный прибор и направил его на стену. Повернул, опять направил. Затем достал кусочек мела и сделал на стене пометку. Извлек из нагрудного кармана другой прибор, приложил его к стене и стал медленно перемещать, считывая показания.

Наконец он отступил на шаг назад и произнес:

– Нашел. Помогите мне разобрать стеллажи.

Они начали переносить артефакты на полки в другой части комнаты. Когда стена освободилась, Маккоркл клещами вынул из осыпающейся штукатурки кронштейны и отложил их в сторону.

– Готовы для момента истины? – обратился он к присутствующим.

Глаза его сияли – к нему вернулось хорошее настроение.

Маккоркл достал из сумки молоток и длинный предмет, напоминающий железнодеревянный костыль. Приставив костыль к стене, со всей силы стукнул по нему молотком, потом еще раз. Звуки ударов гулко отдавались в замкнутом пространстве, и со стен начали падать куски штукатурки, обнажая кирпичную кладку. Маккоркл продолжал стучать молотком, поднимая облака пыли... Вдруг костыль ушел в стену почти по самую шляпку. Маккоркл стал раскачивать его из стороны в сторону, нанося удары молотком сбоку. Через некоторое время ему удалось вынуть несколько кирпичей, на месте которых остался черный зияющий прямоугольник.

Увидев это, Уичерли бросился вперед.

– Не возражаете, если я воспользуюсь привилегией исследователя? – Он обернулся к своим спутникам с самой очаровательной улыбкой. – Никто не против?

– Вы наш гость, – ответил Мензис.

Маккоркл нахмурился, но промолчал. Уичерли взял электрический фонарик и осветил им, приблизив лицо к проему в стене. Повисла долгая тишина, нарушаемая лишь грохотом проходящего поезда метро.

– Что вы там видите? – наконец спросил Мензис.

– Диковинных животных, статуи и золото – блеск золота повсюду.

– Что за черт! – пробурчал Маккоркл.

Уичерли бросил на него быстрый взгляд:

– Я пошутил. Эти слова произнес Говард Картер, когда впервые заглянул в гробницу фараона Тутанхамона.

Маккоркл поджал губы:

– Пожалуйста, отойдите немного в сторону, я расширю проем.

С этими словами он вновь подошел к стене и несколькими точными ударами ослабил еще пару рядов кирпичей.

Менее чем через десять минут в стене зияла дыра, достаточная, чтобы проникнуть внутрь. Маккоркл скрылся в проеме и через минуту вернулся назад.

– Электричество не работает, как я и предполагал. Нам придется воспользоваться фонариками. Я должен идти первым. – Тут он бросил взгляд на Уичерли. – Таковы музейные правила. Там может находиться нечто представляющее опасность.

– Например, мумия из Черной лагуны, – со смехом сказал Уичерли и посмотрел на Нору.

Они осторожно вошли в проем в стене и тут же остановились, пристально глядя вперед. Лучи фонарей выхватили из темноты огромный каменный порог, а за ним – ведущие вниз ступени, сложенные из неровных плит известняка.

Маккоркл приблизился к первой ступени, немного помедлил, потом с негромким нервным смешком спросил:

– Готовы, леди и джентльмены?

Глава 9

Капитан отдела по расследованию убийств Лора Хейворд молча стояла в своем кабинете, глядя на безобразные груды, возвышающиеся на ее столе, на стульях и даже на полу, – здесь были хаотично наваленные кипы бумаги и фотографий, мотки цветной бечевки, CD-диски, пожелтевшие бланки телексных сообщений, этикетки, конверты. Этот беспорядок, подумала она, был точным отражением состояния ее души.

Замечательно выстроенные ею доказательства вины специального агента Пендергаста – для чего и понадобились все эти мотки цветной бечевки, фотографии и этикетки – рухнули. А ведь все казалось таким логичным. Свидетельств немного, но они были ясными, последовательными и в высшей степени убедительными. Пятнышко крови, крохотные частицы ткани, несколько волосков, завязанный особым способом узел, последовательность собственников орудий убийства. Анализ ДНК не подвел, точно так же как и результаты судебно-медицинской экспертизы и вскрытия. Все они указывали на Пендергаста. Дело против него представлялось абсолютно ясным. Может быть, слишком ясным. В этом, если говорить коротко, и заключалась проблема.

В дверь осторожно постучали, и, обернувшись, Лора увидела в проеме высокую фигуру капитана Глена Синглтона. Это был мужчина под пятьдесят, с уверенными энергичными движениями опытного пловца, удлинненным лицом и орлиным профилем. Угольно-черный костюм казался слишком дорогим и слишком хорошо сшитым для офицера полицейского управления Нью-Йорка. К тому же каждые две недели Глен оставлял сто двадцать долларов парикмахеру в фойе «Карлайла», доведившему его короткую стрижку до совершенства. Но это свидетельствовало лишь о привередливости Синглтона, а не о его коррумпированности. Несмотря на свою приверженность моде, он был очень хорошим полицейским, одним из лучших в управлении.

– Лора, можно войти? – Он улыбнулся, обнажив ряд превосходных, очень дорогих зубов.

– Конечно. Зачем вы спрашиваете?

– На вчерашнем корпоративном вечере нам вас не хватало. У вас неприятности?

– Неприятности? Нет, все в порядке.

– В самом деле? Тогда я не понимаю, почему вы не воспользовались возможностью бесплатно поесть, попить и повеселиться.

– Не знаю. Наверное, у меня просто не было настроения.

Оба замолчали, и в наступившей неловкой тишине Синглтон начал оглядываться в поисках свободного стула.

– Прошу прощения за беспорядок. Я как раз занималась... – Лора замолчала.

– Чем?

Она пожала плечами.

– Именно этого я и боялся. – Синглтон заколебался, словно принимая решение, потом закрыл дверь и подошел к столу. – Это не похоже на вас, Лора, – сказал он тихо.

«Так вот как это всегда начинается», – подумала она.

– Я ваш друг и не собираюсь ходить вокруг да около, – продолжал Синглтон. – Я очень хорошо понимаю, чем вы «как раз занимались», и поверьте, вы навлечете на себя серьезные неприятности.

Хейворд молча ждала продолжения.

– Вы вели это дело так, как описывают в учебниках. Вы сделали все просто великолепно. Так почему же теперь вы себя мучаете? – Синглтон в недоумении развел руками.

Лора внимательно смотрела на него, стараясь сдержать вспышку гнева, причиной которого был не он, а скорее она сама.

– Почему? Да потому, что в тюрьме находится невиновный. Агент Пендергаст не убивал Торренса Гамильтона, как не убивал Чарльза Дюшана и Майкла Декера. Его брат Диоген – вот кто настоящий убийца.

Синглтон вздохнул:

– Послушайте, никто не сомневается, что Диоген украл коллекцию алмазов, принадлежавшую музею, и похитил Виолу. Имеются показания д'Агосты, того гематолога Каплана и самой Маскелене, которые это подтверждают. Однако из этого не следует, что убийца – он. У вас нет никаких доказательств. С другой стороны, вы проделали отличную работу и доказали, что эти убийства совершил Пендергаст. Почему бы вам не оставить все как есть?

– Я сделала то, что должна была сделать, – в этом-то все дело. Меня направили по ложному следу, а Пендергаста подставили.

Синглтон нахмурился:

– За свою карьеру я видел много сфабрикованных дел, но, чтобы они сработали, требуется невероятная ловкость.

– Д'Агоста с самого начала говорил мне, что Диоген собирался подставить своего брата. Пока Пендергаст находился на лечении в Италии, он собрал все необходимые вещественные доказательства: кровь, волосы, волокна ткани – все. Д'Агоста настаивал, что Диоген жив, что именно он похитил Виолу и стоял за кражей алмазов. В этом он оказался прав, и это заставляет меня думать, что он был прав и во всем остальном.

– Д'Агоста крупно облажался! – презрительно произнес Синглтон. – Он обманул мое доверие. И ваше. Я не сомневаюсь, что дисциплинарная комиссия утвердит решение о его увольнении из полиции. Разве вы хотите играть на стороне такой «звезды»?

– Я лишь хочу установить истину. Пендергаст оказался в тюрьме из-за меня, и только я могу это исправить.

– Единственный способ сделать это – доказать, что убийцей является кто-то другой. У вас есть хоть какие-то улики против Диогена?

Хейворд нахмурилась.

– Марго Грин описала напавшего на нее человека, и он...

– На Марго Грин напали в полутемной комнате. Ее показания никто не примет в расчет. – Синглтон немного помолчал и заговорил уже мягче: – Послушайте, Лора, давайте не будем друг друга обманывать. Я знаю, каково вам сейчас. Вступать в отношения с сотрудником полиции нелегко. А разрывать такие отношения еще труднее. И поскольку в этом деле фигурирует д'Агоста, я прекрасно понимаю...

– Я и д'Агоста – очень старая история, – перебила его Лора. – И мне не нравятся эти инсинуации. Как, кстати, не понравился и ваш визит ко мне.

Синглтон снял кипу бумаг со стула для посетителей, положил ее на пол и уселся, опустив голову и уперев локти в колени. Наконец он вздохнул и поднял глаза.

– Лора, вы самая молодая женщина-капитан в отделе по расследованию убийств за всю историю полицейского управления Нью-Йорка. И вы стоите двух парней, имеющих такую же должность. Комиссар Рокер вас любит. И майор вас любит. Ваши подчиненные вас любят. В один прекрасный день вы сами станете комиссаром – я в этом не сомневаюсь. Я пришел сюда не потому, что меня кто-то об этом попросил. Я пришел по собственной инициативе – сказать, что вы опоздали. Делом Пендергаста занимается ФБР. Они считают, что он убил Декера, и не собираются отказываться от своей точки зрения. У вас есть лишь подозрения и больше ничего... Не стоит из-за этого ломать свою карьеру. Потому что именно это и случится, если вы пойдете против ФБР – и проиграете.

Лора твердо посмотрела на него и набрала в легкие побольше воздуха:

– Ну что ж, значит, так тому и быть.

Глава 10

Члены маленькой группы спустились по ведущей к гробнице Сенефа лестнице, оставив следы на пыльных ступенях, словно на свежеснеженном снегу.

Уичерли остановился и осветил фонариком.

– Ага. Это то, что древние египтяне называли Первым переходом бога по пути солнца. – Он обернулся к Норе и Мензису. – Я еще не надоел вам со своей болтовней?

– Ну что вы! Это очень интересно, – запротестовал Мензис. – Небольшая экскурсия нам только на пользу.

Зубы Уичерли блеснули в тусклом свете.

– Проблема заключается в том, что значение этих древних захоронений все еще остается загадкой для современного человека. Хотя время их создания довольно легко установить. Вот это, например, вполне типичная гробница периода Нового царства, предположительно конец Восемнадцатой династии.

– В самую точку, – подтвердил Мензис. – Сенеф был визирем и регентом Тутмоса Четвертого.

– Благодарю вас. – Уичерли выслушал комплимент с видимым удовольствием. – Большинство гробниц периода Нового царства состоят из трех частей – внешней, средней и внутренней гробницы – и имеют в общей сложности двенадцать камер, символизирующих проход бога солнца через царство мертвых за двенадцать ночных часов. Фараона хоронили на закате, и его душа сопровождала бога солнца, когда он в своей барке совершал полное опаснейшее путешествие по загробному миру, чтобы во всем блеске возродиться утром.

Уичерли осветил вперед, и луч фонарика выхватил из темноты еще одну дверь, расположенную в дальнем конце помещения.

– Лестница заваливается булыжником, а за ней находится следующая замурованная дверь.

Они спустились еще на несколько ступеней и наконец оказались перед массивной дверью с изображением огромного глаза Гора. Уичерли направил фонарик на глаз и окружающие его иероглифы.

– Вы можете их прочитать? – спросил Мензис.

Уичерли усмехнулся:

– У меня это очень неплохо получается. Перед нами проклятие. – Он исподтишка подмигнул Норе. – «Да сожрет Аммут сердце всякого, кто переступит этот порог».

Повисшую после этих слов тишину нарушил Маккоркл.

– И все? – спросил он с коротким нервным смешком.

– Расхитителю гробниц, – ответил Уичерли, – вполне хватило бы. Это было самое страшное проклятие для древнего египтянина.

– Кто такой Аммут? – поинтересовалась Нора.

– Пожиратель проклятых. – Уичерли осветил фонариком на роспись на дальней стене, где было изображено существо с головой крокодила, телом леопарда и непропорционально большой задней частью бегемота. Припав к песку, чудовище широко раскрыло пасть, готовясь сожрать несколько лежащих перед ним человеческих сердец. – Дурные слова и поступки утяжеляли сердце, и после смерти Анубис взвешивал его на весах, сравнивая с пером Мата. Если сердце весило больше пера, Тот, бог с головой бабуина, бросал его на съедение монстру Аммуту. Аммут ходил испражняться в западные пески – там-то и находили свой конец люди, не желавшие вести праведную жизнь. Они просто превращались в кучку дерьма, поджаривающуюся на солнце в Западной пустыне.

– Благодарю вас, доктор. Это даже больше, чем я хотел услышать, – остановил его Маккоркл.

– Для древнего египтянина ограбление гробницы фараона было чудовищным святотатством. И тем, кто все же отваживался в нее войти, проклятие казалось вполне реальным. Чтобы лишить мертвого фараона его магической силы, грабители не только уносили из гробницы ценные вещи, но и ломали и крушили все, что в ней находилось. Только так можно было уничтожить злые чары.

– Нора, это надо будет использовать для нашей выставки, – пробормотал Мензис.

После недолгого колебания Маккоркл шагнул через порог, остальные последовали за ним.

– Второй переход бога, – сказал Уичерли, светя лучом фонарика. – Стены сплошь покрыты цитатами из «Реунупертембу» – египетской Книги мертвых.

– Как интересно! – воскликнул Мензис. – Прочитайте нам что-нибудь.

Уичерли начал негромко читать:

– «Регент Сенеф, чье слово – истина, заклиняет: „Хвала и благодарение тебе, о Ра! Тебе, подобному золоту! Тебе, освещающему два царства с самого своего рождения! Твоя мать принесла тебя на руках, и ты осветил путь, по которому следует Диск. О Великий Свет, проплывающий по Ну, ты даешь жизнь многим поколениям, питая их из глубинных источников твоих вод“». Это заклинание покойного Сенефа, обращенное к богу солнца Ра. Текст вполне характерен для Книги мертвых.

– Я слышала о Книге мертвых, – сказала Нора, – но знаю о ней очень немного.

– В основе ее лежат заклинания, заговоры и магические формулы. Они помогали умершим преодолеть путь через загробное царство и выйти на Тростниковое поле – древне-египетский эквивалент Неба. Ночь после погребения фараона его подданные проводили в тревожном ожидании: ведь если бы с ним что-то случилось в царстве мертвых и он не возродился бы утром, солнце больше никогда бы не взошло. Мертвому царю необходимо было знать заклятия, тайные имена змей и прочие колдовские вещи, чтобы благополучно завершить путешествие. Потому-то все это и написано на стенах гробницы: Книга мертвых была набором подсказок для покойников, желающих обрести вечную жизнь.

Уичерли засмеялся и осветил фонариком четыре ряда иероглифов, нанесенных на стену красной и белой краской. Остальные подошли поближе, поднимая клубы серой пыли.

– Это Первые врата мертвых, – продолжал Уичерли. – Здесь изображен фараон, сажающийся в барку бога солнца и направляющийся в загробное царство, где его приветствует толпа мертвых. Достигнув Четвертых ворот, они оказываются в ужасной пустыне Сокот, и барка тут же волшебным образом превращается в змею, которая переносит их через раскаленные пески... А вот очень драматический момент: в полночь душа бога Ра соединяется с его телом – мумифицированными останками.

– Простите, что перебиваю вас, доктор, – вмешался Маккоркл, – но нам нужно осмотреть еще восемь комнат.

– Да, конечно. Извините, пожалуйста.

Они направились к дальнему концу камеры. Там, за глубоким проемом, оказались круто уходящие вверх и исчезающие в темноте ступени.

– Этот проход тоже заваливали бульжником, – сказал Уичерли, – чтобы обезопасить гробницу от воров.

– Будьте осторожны, – пробормотал Маккоркл, поднимавшийся первым.

Уичерли обернулся к Норе и протянул ей руку с безупречным маникюром:

– Позвольте вам помочь.

– Думаю, я вполне смогу справиться сама, – ответила она.

Такая старомодная учтивость позабавила девушку. Увидев, как осторожно ступает Уичерли в своих еще недавно начищенных до блеска, а теперь покрытых пылью ботинках, Нора решила, что у него гораздо больше шансов поскользнуться и свернуть себе шею.

– Осторожно! – крикнул Уичерли Маккорклу. – Если эта гробница сооружена по обычному образцу, сверху должен быть колодец.

– Колодец? – удивился Маккоркл.

– Глубокая шахта, служившая ловушкой для непрошенных гостей. Кроме того, в колодце скапливалась вода, что предотвращало затопление гробницы в периоды, когда вся Долина царей покрывалась водой. Хотя такое, надо сказать, случалась нечасто.

– Даже если колодец и цел, через него наверняка перекинут мост, – предположил Мензис. – Не забывайте, что здесь когда-то была выставка.

Все осторожно двинулись дальше, и вот лучи фонариков осветили шаткий деревянный мостик, переброшенный через шахту глубиной по меньшей мере пятнадцать футов. Маккоркл, знаком приказав своим спутникам остановиться, внимательно осмотрел его, светя себе фонариком, потом сделал осторожный шаг вперед. Внезапно раздавшийся громкий треск заставил Нору вздрогнуть. Маккоркл в страхе схватился за перила. Но к счастью, это был всего лишь звук усаживающегося дерева – мостик выдержал.

– Он все еще вполне надежен, – сделал вывод Маккоркл. – Идите по одному.

Нора осторожно прошла по узкому мостку.

– Невозможно поверить, что когда-то это было частью экспозиции. Как удалось вырыть такой колодец под фундаментом музея?

– Должно быть, была пробита подстилающая порода, – раздался сзади голос Мензиса. – Надо будет все выяснить.

За мостом оказался еще один порог.

– Теперь перед нами средняя гробница, – сказал Уичерли. – Здесь была еще одна замурованная дверь. Какие прекрасные фрески! Вот изображение встречи Сенефа с богами и еще несколько строк из Книги мертвых.

– Опять проклятия? – спросила Нора, глядя на глаз Гора, нарисованный прямо над когда-то замурованной дверью.

Уичерли посветил фонариком:

– Гм. Такой надписи я никогда раньше не видел. «Место, которое запечатано. Тот, кто ложится в закрытое место, возрождается душой Ба, находящейся в нем. Тот, кто входит в это место, лишается души Ба. Да решит глаз Гора, остаться мне невредимым или быть проклятым, о великий бог Осирис!»

– Звучит как проклятие, – сказал Маккоркл.

– Думаю, это всего лишь неизвестные строки из Книги мертвых. Чертова книга насчитывает почти двести глав, и еще никому не удалось прочесть ее целиком.

Средняя гробница представляла собой просторный зал со сводчатым потолком и шестью огромными каменными колоннами, густо покрытыми иероглифами и фресками. Норе показалось невероятным, что помещение такого размера и так богато украшенное могло быть более полувека скрыто от всех в недрах музея.

Уичерли отвернулся. Луч его фонарика один за другим выхватывал из темноты участки росписи, покрывающей стены.

– Это очень необычная камера – Зал колесниц, древние называли ее Залом защиты от врагов. Здесь хранилось военное снаряжение, которое могло понадобиться фараону в загробной жизни: колесница, лук со стрелами, лошади, мечи, кинжалы, дубинки и шесты, шлем и кожаные доспехи.

Луч фонарика замер на фризе с изображением сотен сваленных в кучу обезглавленных тел. Рядом виднелись ряды голов. Земля вокруг была залита кровью. Древний художник не забыл и о такой реалистичной детали, как вывалившиеся языки.

Миновав множество переходов, они оказались в комнате, которая казалась несколько меньше остальных. С одной стороны стену украшала фреска со сценой взвешивания сердец, уже встречавшаяся им ранее, но гораздо большего размера. Рядом располагалось внушающее ужас изображение Аммута.

– Зал истины, – произнес Уичерли. – Суда не мог избежать даже фараон – в нашем случае Сенеф, который обладал почти такой же властью, как фараон.

Маккоркл что-то пробормотал и исчез в соседней камере. Остальные последовали за ним. Это оказался еще один просторный зал со сводчатым потолком, являвшим собой усыпанное звездами ночное небо. Стены зала были сплошь покрыты иероглифами. В центре стоял огромный гранитный саркофаг, оказавшийся пустым. В каждой стене имелась большая черная дверь.

– Необычная гробница, – произнес Уичерли, водя лучом фонарика по полу и стенам зала. – Такого я и представить себе не мог. Получив ваше приглашение, доктор Мензис, я подумал, что гробница будет небольшой, но, конечно, очень красивой. Но это же настоящая громадина! Откуда она здесь взялась?

– Это очень интересная история, – ответил Мензис. – Когда Наполеон в тысяча семьсот восемьдесят девятом году завоевал Египет, одним из его трофеев стала эта гробница, которую он разобрал, блок за блоком, чтобы перевезти во Францию. Однако после того как Нельсон разгромил французов в знаменитом сражении при Абукире, один шотландский капитан присвоил гробницу себе. Некоторое время она стояла в его поместье на Шотландском нагорье, но в девятнадцатом веке последний потомок моряка, седьмой барон Рэттрей, которому очень нужны были деньги, продал гробницу кому-то из первых попечителей музея. Тот, в свою очередь, переправил ее через Атлантический океан и установил на этом самом месте, когда музей еще только строился.

– Этот барон лишил Англию одного из ее национальных сокровищ.

Мензис улыбнулся:

– Он получил за это тысячу фунтов.

– Тем хуже! Пусть Аммут сожрет сердце жадного барона, продавшего такую бесценную вещь!

Уичерли засмеялся и посмотрел на Нору своими сияющими голубыми глазами, но та в ответ лишь вежливо улыбнулась. Интерес к ней молодого археолога становился все более очевидным, и его, похоже, ничуть не смущало обручальное кольцо у нее на пальце.

Маккоркл нетерпеливо топтался на месте.

– Это погребальная камера, – начал Уичерли, – которую древние называли Домом золота. Перед ней располагались Комната ушебти, Комната каноп, где в специальных сосудах хранились внутренние органы фараона, Последняя сокровищница и Место отдохновения богов. Потрясающе! Правда, Нора? Сколько интересного нас ожидает!

Нора ответила не сразу. Она думала о том, как огромна гробница и как много в ней пыли. Им придется здорово потрудиться, чтобы привести ее в порядок.

Мензис, очевидно, размышлял о том же самом, потому что его улыбка, когда он повернулся к ней, показалась Норе немного растерянной.

– Ну что ж, – сказал он, – следующие шесть недель нам наверняка не придется скучать.

Глава 11

Джерри Фекто изо всех сил хлопнул дверь сорок четвертой одиночной камеры, и оглушительный звук разнесся по всему третьему этажу Херкмурского исправительного учреждения номер три. Ухмыльнувшись, Джерри подмигнул своему напарнику, и они еще некоторое время постояли за дверь, прислушиваясь к эху, отразившемуся от толстых бетонных стен и замершему вдали.

Все, что касалось заключенного, содержавшегося в сорок четвертой одиночной, было окутано тайной. И это давало повод охранникам беспрестанно о нем судачить. Ясно было одно: птица он непростая. Несколько раз его навещали агенты ФБР, да и сам начальник тюрьмы проявлял к нему интерес. Но больше всего Фекто поразила полная засекреченность любой относившейся к нему информации. Обычно стоило появиться новому заключенному, как мельница слухов тут же начинала работать, и вскоре все уже знали, какое ему предъявлено обвинение, а также кровавые подробности его злодеяния. Однако на этот раз никому не удалось узнать даже имени арестанта, не говоря уж о его преступлении. В случае необходимости его называли одной-единственной буквой – А.

В довершение ко всему этот парень внушал ужас. Не сказать, что его внешние данные были впечатляющими: высокий, худощавый, очень бледный, как будто он и родился в одиночной камере. Говорил заключенный редко, а если все же открывал рот, то голос его звучал совсем тихо, так что приходилось наклоняться, чтобы разобрать слова. Нет, дело было не в этом. Все дело было в глазах. За двадцать пять лет службы в исправительных учреждениях Фекто никогда не видел таких пронзительно холодных глаз, напоминающих два серебристых осколка сухого льда; казалось, температура их настолько низка, что еще немного, и они задымятся. Видит бог, даже от мыслей о нем у Джерри выступали мурашки.

Фекто не сомневался, что этот человек совершил действительно ужасное преступление. Или несколько преступлений, как Джеффри Дамер, хладнокровный серийный убийца. Во всяком случае, выглядел он соответствующе. Вот почему, получив приказ перевести заключенного в сорок четвертую одиночную, Фекто так обрадовался. Больше ему ничего не нужно было объяснять. В эту камеру сажали наиболее упрямых – тех, кого следует разговаривать. Не то чтобы эта камера была чем-то хуже остальных в одиночном блоке Херкмура – все они одинаковы: металлическая койка, унитаз без сиденья и кран с холодной водой. Но имелаась деталь, делавшая сорок четвертую одиночную особенной и объяснявшая, почему здесь можно было сломать любого заключенного, – близость к сорок пятой одиночной. И к Барабанщику.

Фекто и его напарник Бенджи Дойл бесшумно стояли у двери, ожидая, когда Барабанщик опять возьмется за свое. Сейчас он сделал перерыв – всего на несколько минут, как всегда, когда в соседнюю камеру приводили нового заключенного. Но пауза никогда не длилась долго.

И вот, как по расписанию, из сорок пятой одиночной послышалось тихое шарканье, следом – чмокание и негромкое постукивание пальцами по металлической спинке кровати. Еще немного шарканья, отрывистое бормотание, а затем – барабанная дробь. Вначале она была довольно медленной, потом стала быстро ускоряться, после чего стаккато прервали синкопированные рифы, сопровождаемые опять-таки чмоканием и шарканьем, – непрекращающийся звуковой поток, проявление неиссякаемой гиперактивности.

Лицо Фекто расплылось в улыбке, взгляд его встретился со взглядом Дойла.

Барабанщик был идеальным заключенным. Он никогда не кричал и не выбрасывал еду из миски. Никогда не ругался и не угрожал надсмотрщикам. В его камере всегда царил порядок, он охотно стригся и следил за чистотой тела. Но у него были две особенности, из-за

которых он и содержался в одиночном заключении: он почти никогда не спал, а в часы бодрствования барабанил. Он не делал это громко или вызывающе. Просто не замечал ничего вокруг, в том числе и угроз с проклятиями в свой адрес. Он вообще, похоже, не подозревал о существовании внешнего мира и продолжал барабанить – не делая никаких исключений, ничем не выражая недовольства или обеспокоенности, очень сосредоточенно. Как ни странно, именно приглушенность издаваемых им звуков больше всего действовала на нервы – это была своего рода китайская пытка для уха.

Когда Фекто и Дойл получили приказ перевести заключенного А в одиночную камеру, им было велено забрать у него все принадлежащие ему вещи, особенно, как подчеркнул начальник тюрьмы, письменные принадлежности. Они отобрали все: книги, рисунки, фотографии, журналы, блокноты, ручки и чернила. Заключенному ничего не оставалось, кроме как слушать Барабанщика.

Ба-да-ба-да-дитти-дитти-боп-хуп-хуп-хуппа-хуппа-би-боп-би-боп-дитти-дитти-дитти-бум! Дитти-бум! Дитти-бум! Дитти-бада-бум-бада-бум-ба-ба-ба-бум! Ба-да-ба-да-поп! Ба-поп! Ба-поп! Дитти-дитти-дэтти-шарк-шарк-дитти-да-да-да-дит! Дитти-шарк-стук-шарк-стук-да-да-дадада-поп! Дит-дитти-дитти-дитти-дэп! Дит-дитти...

Фекто решил, что с него хватит – пробрало до самых костей. Кивком он указал Дойлу на выход, и они быстро пошли по коридору, оставляя позади звуки, производимые Барабанщиком.

– Думаю, больше недели он не протянет, – сказал Фекто.

– Неделю? – Дойл усмехнулся. – Да этот несчастный ублюдок не продержится и двадцати четырех часов!

Глава 12

Плотно прижавшись к земле, лейтенант Винсент д'Агоста лежал на вершине высокого холма, возвышающегося над исправительным учреждением в Херкмуре, штат Нью-Йорк. Моросил мелкий холодный дождь. Рядом с д'Агостой виднелся темный силуэт человека по фамилии Проктор. Наступила полночь. Огромная тюрьма раскинулась прямо под ними, в неглубокой долине. Ярко освещенная желтыми фонарями, она являла собой странное сюрреалистическое зрелище, напоминая гигантский нефтеочистительный завод.

Д'Агоста поднял цифровой бинокль и еще раз как следует изучил общую планировку тюрьмы. Херкмурское исправительное учреждение занимало площадь по меньшей мере в двадцать акров и состояло из трех низких и очень длинных бетонных зданий, расположенных в форме перевернутой буквы П. Их окружали асфальтированные прогулочные дворики, сторожевые вышки, обнесенные забором служебные территории и помещения охраны. Д'Агоста знал, что первое здание называлось Федеральным подразделением максимальной безопасности и было заполнено самыми закоренелыми преступниками, которых только порожидала современная Америка, – и это, мрачно подумал д'Агоста, еще мягко сказано. Второе, гораздо меньшее по размеру, официально именовалось Федеральным учреждением содержания преступников, в отношении которых вынесен смертный приговор. Смертная казнь в штате Нью-Йорк была отменена, однако существовало еще федеральное законодательство, поэтому в корпусе содержались те немногие, кто был осужден федеральными судами.

Третье здание также имело название, которое мог изобрести только тюремный бюрократ: Федеральное учреждение досудебного содержания особо опасных и склонных к побегу заключенных. В нем дожидались суда те, кого обвиняли в наиболее тяжких преступлениях и кому было отказано в освобождении под залог, поскольку считалось, что они обязательно ударятся в бег: наркобароны, террористы, серийные убийцы, действовавшие на территории нескольких штатов, и лица, обвиняемые в убийстве федеральных агентов. На херкмурском жаргоне это место называлось «Черная дыра».

Именно в этом здании в настоящее время содержался специальный агент А. К. Л. Пендергаст. Подобно некоторым легендарным тюрьмам, находившимся в ведении штатов, таким как Синг-Синг и Алькатрас, откуда еще никому не удавалось сбежать, Херкмур был единственной федеральной тюрьмой, которая могла похвастаться тем же самым.

Д'Агоста продолжал внимательно рассматривать тюремные постройки и прилегающие к ним участки земли, не упуская ни одной из тех малейших деталей, которые в течение трех недель тщательно изучал на бумаге. Он медленно переводил бинокль от главных зданий к тем, что располагались в стороне, и наконец дошел до границ территории тюрьмы.

На первый взгляд границы Херкмюра не были чем-либо примечательны. Система охраны включала три стандартные линии ограждения. Первая представляла собой сетчатый забор высотой двадцать четыре фута, с колючей проволокой по верху, освещаемый ксеноновыми прожекторами мощностью в несколько миллионов свечей. Полоса посыпанной гравием земли шириной в двадцать ярдов отделяла первую линию от второй – стены из шлакобетона с шипами и колючей проволокой наверху. Вдоль стены через каждые сто ярдов располагались сторожевые вышки, где находились вооруженные охранники – д'Агоста видел, как осторожно они двигались, готовые к любой неожиданности. За стеной тянулась следующая полоска земли шириной сто футов, по которой свободно бегали доберманы, а за ней располагался последний барьер ограждения – сетчатый забор, идентичный первому. Примерно в трехстах ярдах от него начинался лес.

Однако уникальным Херкмур делало то, что было скрыто от посторонних глаз, – самая современная электронная система наблюдения, считавшаяся лучшей в стране. Д'Агоста

видел техническое описание этой системы, а если точнее, посвятил его изучению несколько дней, но так ничего и не понял. Правда, он не считал это серьезной проблемой: Эли Глинн, его странный молчаливый партнер, сидевший в напичканном электроникой фургоне в одной миле отсюда, прекрасно во всем разобрался, и этого вполне достаточно.

Но дело было даже не в охранной системе, а в менталитете обслуживающего персонала. Хотя Херкмур пережил множество попыток побега, в том числе несколько очень хитроумных, ни одна из них не увенчалась успехом. И каждый охранник, каждый служащий тюрьмы гордился этим. Здесь невозможно было представить себе продажного бюрократа, спящего на посту охранника или неработающие камеры наружного наблюдения. Именно это и беспокоило д'Агосту больше всего.

Он закончил осмотр и взглянул на Проктора. Водитель лежал рядом, ведя съемку цифровой камерой «Никон», оборудованной миниатюрным штативом, 2600-миллиметровыми линзами и специальными CDD-чипами, настолько чувствительными, что они фиксировали движение отдельных протонов.

Д'Агоста пробежал глазами список вопросов, составленный Глинном. Одни были вполне понятными: сколько собак охраняет тюрьму, сколько охранников находится на каждой вышке и сколько – у ворот. Глинн попросил дать ему как можно более подробное описание всех автомобилей, въезжающих на территорию тюрьмы и выезжающих с нее. Он желал иметь максимально точное представление о расположении антенн, «тарелок» и ультракоротковолновых передатчиков на крышах зданий. Но некоторые его просьбы показались д'Агосте несколько странными. Например, он хотел знать, чем покрыты участки земли между стеной и внешним забором – глиной, гравием или травой. Кроме того, попросил сделать забор воды из ручья, протекающего на некотором расстоянии от тюрьмы. Но самым необычным было поручение собрать весь имеющийся мусор на определенном участке ручья. Глинн велел вести наблюдение за тюрьмой в течение двадцати четырех часов и по возможности записывать все, что они заметят: время, когда заключенных выводят на прогулку, все перемещения охранников, прибытие и отъезд поставщиков, подрядчиков и других посетителей. Он хотел знать, когда зажигают и гасят свет. И требовал, чтобы все эти данные были зафиксированы с точностью до секунды.

Д'Агоста произнес несколько слов в микрофон цифрового записывающего устройства, которое дал ему Глинн. Потом прислушался к тихому жужжанию камеры Проктора, к стуку дождевых капель по веткам деревьев и потянулся:

– Господи, как только подумаяю, что Пендергаст там!..

– Ему, должно быть, очень тяжело, сэр, – ответил его спутник в своей невозмутимой манере.

Проктор не был обычным водителем – это д'Агоста понял, увидев, как он менее чем за шестьдесят секунд вскрыл и угнал «Коммандо CAR-15/ХМ-177», – но на его непроницаемом, как у Дживса⁵, лице невозможно было что-либо прочесть.

Камера продолжала жужжать и пощелкивать. Вдруг запищала рация, пристегнутая к ремню д'Агосты. «Транспортное средство», – послышался из нее голос Глинна, и через минуту голые ветви деревьев осветили фары грузового автомобиля, приближающегося к ним по единственной дороге, ведущей в Херкмур со стороны расположенного в двух милях городка. Проктор стал быстро перемещать объектив камеры, д'Агоста прижал к глазам бинокль – увеличение настраивалось автоматически, с учетом изменения контраста. Грузовик вынырнул из-за деревьев и попал в зону света, окружавшую тюрьму. Д'Агоста подумал, что он принадлежит какой-нибудь службе доставки продуктов, и оказался прав: надпись на его борту гласила: «Мясо и субпродукты от Хелмера». Грузовик остановился у ворот, и води-

⁵ Персонаж романа П. Вудхауса «Дживс и Вустер».

тель достал документы. Охранник махнул рукой, разрешая машине въехать на территорию. Оказалось, что каждые ворота открывались автоматически и только после того, как створки предыдущих полностью задвигались. Затвор камеры продолжал щелкать. Д'Агоста посмотрел на секундомер, продиктовал значение в микрофон и повернулся к Проктору.

– Завтра, похоже, у них будут пироги с мясом, – произнес он, но шутка ни одному из них не показалась смешной.

– Да, сэр.

Д'Агоста попытался представить себе, как утонченный гурман Пендергаст ест то, что привезли для заключенных в грузовике, и в который раз с горечью подумал о том, сколько еще ему придется там находиться.

Грузовик въехал на внутреннюю подъездную дорожку, два раза повернул и, подав задним ходом к крытой погрузочной платформе, скрылся из виду. Д'Агоста сделал еще одну запись и приготовился ждать. Через шестнадцать минут грузовик вновь показался на подъездной дорожке.

Д'Агоста проверил время: почти час ночи.

– Пойду возьму пробу воды и выполню магнитное драгирование.

– Будьте осторожны.

Д'Агоста надел на спину маленький рюкзак и стал спускаться по склону холма, прокладывая себе путь сквозь кустарник и заросли горного лавра. Вода хлюпала у него под ногами, капала с голых веток. Тут и там между деревьями виднелись полосы подтаявшего снега. Внизу фонарь уже не был нужен – мощности прожекторов Херкмура вполне хватало, чтобы осветить всю округу.

Д'Агоста обрадовался возможности немного размяться. Там, на вершине холма, у него было достаточно времени, чтобы подумать. А думать ему хотелось меньше всего. Его угнетали мысли о предстоящем слушании его дела на дисциплинарной комиссии, – слушании, которое вполне могло закончиться для него увольнением. Все, что случилось с ним в последние несколько месяцев, казалось невероятным: и неожиданное повышение, и перевод в полицейское управление Нью-Йорка, и роман с Лорой Хейворд, и новая встреча и дружба с Пендергастом. А потом все рухнуло в один миг. Его карьера полицейского висела на волоске, он отдалился от Лоры, а его друг Пендергаст гнил в этой дыре в ожидании приговора суда, грозящего ему пожизненным заключением.

Д'Агоста споткнулся, но удержался на ногах. Запрокинув голову, он подставил лицо ледяным каплям дождя в надежде, что холод приведет его в чувство. Потом вытер лицо и продолжил путь. Взять образец воды было непросто, поскольку ручей протекал по краю луга, расположенного у самых стен тюрьмы и хорошо просматривавшегося со сторожевых вышек. Но и это было ничто по сравнению со стоящей перед ним задачей произвести замеры магнитного поля. Глинн пожелал, чтобы Д'Агоста как можно ближе подобрался к тюремному ограждению с миниатюрным магнитометром в кармане. Его целью было установить наличие встроенных датчиков и неизвестных электромагнитных полей, после чего он должен был закопать этот чертов магнитометр в землю. Но ведь если датчики имелись, они могли его засечь – и тогда неизвестно, чем все закончится.

Д'Агоста продолжал медленно спускаться по склону холма, и земля у него под ногами постепенно выравнивалась. Несмотря на дождевик, он чувствовал, как ледяная вода струйками стекает по ногам, просачивается в ботинки. В ста ярдах впереди виднелись очертания деревьев и слышалось журчание ручья.

Д'Агоста пробирался сквозь заросли лавра, низко наклонившись, а несколько последних ярдов прополз на четвереньках и через несколько секунд оказался на берегу ручья. Было темно, пахло влажными прошлогодними листьями, и кое-где все еще оставалась зубчатая кромка потемневшего льда.

Д'Агоста немного постоял, глядя на тюрьму. Сторожевые вышки находились теперь всего в двухстах ярдах, и яркие прожектора напоминали миниатюрные солнца. Порывшись в карманах, он уже собрался было достать пузырек, который дал ему Глинн, как вдруг внезапная мысль заставила его похолодеть. Его предположение, что охранники не следят за территорией тюрьмы, оказалось ошибочным: он ясно видел, как один из них осматривает край леса, поднеся к глазам бинокль с многократным увеличением. Немаловажная деталь.

Д'Агоста застыл согнувшись в зарослях лавра. Он уже ступил на запретную территорию и чувствовал себя чрезвычайно уязвимым.

Однако охранник, похоже, не заметил его и повернулся в другую сторону. Д'Агоста очень осторожно вытянул руку вперед и опустил пузырек в ледяную воду. Взяв пробу и закрутив колпачок, он пополз вниз по течению ручья, вылавливая из него всякий хлам – пластиковые кофейные стаканчики, несколько пустых банок из-под пива, обертку от жвачки – и складывая его в рюкзак. Глинн несколько раз повторил, что брать нужно все. Это было очень неприятное занятие – переходить ручей вброд, вставать на четвереньки и опускать руки по плечи в ледяную воду. В одном месте переплетение ветвей выполняло роль фильтра, и д'Агоста сорвал джекпот, набрав добрых десять фунтов размокшего мусора.

Закончив, он отправился туда, где Глинн хотел установить магнитометр. Дождавшись, пока охранник отвернется, д'Агоста, низко нагнувшись, перебрался через ручей. За большей частью луга, окружающего тюрьму, никто не ухаживал, и среди примятой снегом прошлогодней травы попадались высокие жесткие растения, которые могли служить хоть каким-то укрытием.

Д'Агоста пополз вперед, застывая на месте всякий раз, когда охранник направлял бинокль в его сторону. Минуты тянулись бесконечно долго. Он чувствовал, как струйки ледяной воды стекают по шее и спине. Тюремное ограждение приближалось мучительно медленно. Но д'Агоста знал, что нужно идти, причем как можно быстрее, потому что чем дольше он здесь проторчит, тем выше вероятность, что охрана его засечет.

Наконец он достиг места, где трава была скошена. Достав прибор из кармана и просушив руку между стеблями травы, он положил его на землю и начал медленно отступать.

Ползти назад оказалось значительно труднее. Теперь ему приходилось смотреть в другую сторону, и он не мог следить за движениями охранников. Он продолжал ползти, делая частые длительные остановки.

Прошло сорок пять минут, прежде чем д'Агоста вновь перебрался через ручей и опять оказался в сыром лесу. Пробираясь сквозь заросли горного лавра наверх, к их наблюдательному пункту на вершине холма, он чувствовал, что продрог до костей, и ощущал боль в спине из-за тяжелого, набитого сырым мусором рюкзака.

– Задание выполнено? – спросил Проктор, когда он вернулся.

– Да, если не считать того, что пальцы на ногах мне, возможно, ампутируют.

Проктор достал небольшое устройство.

– Сигнал улавливается превосходно. Выходит, от вас до ограды было всего пятьдесят футов. Отличная работа, лейтенант!

Д'Агоста устало обернулся.

– Называйте меня Винни, – предложил он.

– Да, сэр.

– Я тоже мог бы обращаться к вам по имени, но оно мне неизвестно.

– Проктор меня вполне устраивает.

Д'Агоста кивнул. Специальный агент Пендергаст окружил себя личностями, почти такими же таинственными, как он сам: Проктор, Рен... А Констанс Грин, пожалуй, являла собой даже еще большую загадку, чем все они.

Д'Агоста опять посмотрел на часы: почти два. Оставалось еще четырнадцать часов.

Глава 13

Дождь барабанил по ветшающему фасаду сложенного из кирпича и отделанного мрамором особняка в стиле боз-ар, расположенного по адресу: Риверсайд-драйв, 891. Высоко над крышей мансарды молния разрывала ночное небо. Окна первого этажа были заколочены, поверх досок для верности положены листы жести; окна верхних трех этажей надежно закрывали ставни, сквозь которые не проникал ни единый луч света, который мог бы свидетельствовать о том, что жизнь внутри дома продолжается. Огороженный забором передний двор порос кустами сумаха и айланта, на подъездной дорожке и у главного входа валялся мусор, по-видимому принесенный сюда ветром. Одним словом, дом казался покинутым и одиноким, как и многие другие дома на этом неприглядном участке Риверсайд-драйв.

На протяжении долгих лет – просто страшно подумать, насколько долгих! – этот особняк служил убежищем, лабораторией, музеем и хранилищем для некоего господина по имени Енох Ленг. После его смерти дом какими-то неведомыми путями – вместе с необходимостью заботиться о подопечной Ленга Констанс Грин – перешел к его наследнику, специальному агенту ФБР Алоизию Пендергасту.

Но в данный момент агент Пендергаст, обвиненный в убийстве, находился в одиночном заключении в корпусе максимальной безопасности Херкмурского исправительного учреждения, где ожидал суда. Проктора и д'Агосты тоже не было – они изучали планировку тюрьмы. Станный, весьма экзальтированный человек по имени Рен, который в отсутствие Пендергаста выполнял обязанности опекуна Констанс Грин, также отсутствовал – у него было ночное дежурство в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Констанс Грин находилась в доме совсем одна.

Она сидела перед гаснущим огнем у камина в библиотеке, где не было слышно ни шелеста дождя, ни шума уличного движения, с книгой «Моя жизнь» Джакомо Казавеччо в руках и внимательно изучала воспоминания шпиона эпохи Возрождения о его знаменитом побеге из Лидса. Из этой страшной тюрьмы во дворце герцога Венеции не удавалось сбежать никому – ни до, ни после него. Еще несколько подобных томов стопкой лежали на столике: в них повествовалось о побегах из тюрем, совершенных в самых разных точках земли. Однако большая часть книг рассказывала об исправительной системе Соединенных Штатов. Констанс читала в полной тишине, время от времени делая пометки в обтянутой кожей записной книжке.

Едва она закончила очередную запись, как огонь в камине громко затрещал. Констанс резко подняла голову и испуганно посмотрела на пламя, лизавшее каминную решетку. Ее большие фиалковые глаза казались слишком серьезными для такого молодого лица – на вид девушке было чуть больше двадцати. Не увидев ничего подозрительного, Констанс успокоилась.

Нельзя сказать, что она испугалась по-настоящему. В конце концов, случайному человеку или грабителю не так-то просто было попасть в особняк. К тому же она знала секреты этого дома лучше кого бы то ни было и в случае опасности могла сразу же укрыться в одном из множества потайных мест. Констанс прожила в особняке так долго и так хорошо его изучила, что почти чувствовала его настроение. И теперь она ощущала неясную тревогу: казалось, дом хочет что-то сказать ей, предупредить об опасности.

На столике рядом с ней стоял чайник с ромашковым чаем. Констанс отложила документы, наполнила чашку и поднялась. Разгладив кремовый передник, она повернулась и направилась к книжным полкам в дальнем конце библиотеки. Каменный пол был застлан пушистыми персидскими коврами, и девушка двигалась абсолютно бесшумно.

Подойдя к полкам, она наклонилась к одной из них, вглядываясь в тисненные золотом корешки. Поскольку библиотека освещалась лишь горящим в камине огнем да единственной лампой от Тиффани, стоявшей у кресла Констанс, в противоположной части комнаты было довольно темно. Наконец она нашла то, что искала, – изданное еще в годы Великой депрессии сочинение, посвященное управлению тюрьмами, – и вернулась к камину. Вновь устроившись в кресле, Констанс открыла книгу и перелистала несколько страниц в поисках оглавления. Найдя нужное место, отпила глоток чая из чашки, потянулась, чтобы поставить ее на стол, – и в этот момент подняла глаза.

В кресле-качалке напротив нее сидел мужчина. Он был высокого роста и имел наружность аристократа: бледное лицо с орлиным носом и высоким лбом, рыжеватые волосы, аккуратно подстриженная короткая борода. Одет был незнакомец в строгий черный костюм. В тот момент, когда он посмотрел на Констанс, огонь в камине ярко вспыхнул, и девушка увидела, что один глаз у него ореховый, а другой – безжизненного молочно-голубого цвета.

Мужчина улыбнулся, и Констанс сразу поняла, кто это, хотя ни разу в жизни его не видела. С криком вскочив с кресла, она уронила чашку.

Незнакомец стремительно, как атакующая жертву змея, выбросил вперед руку и ловко схватил чашку. Поставив ее на серебряный поднос, снова спокойно откинулся в кресле. Ни одна капля не упала на пол. Все произошло так быстро, что Констанс не смогла бы поручиться, что ей это не привиделось. Она стояла, не в силах сдвинуться с места. Несмотря на пережитый шок, девушке было ясно: этот человек находится между нею и единственным выходом из комнаты.

Словно прочитав ее мысли, незнакомец тихо произнес:

– Не надо меня бояться, Констанс. Я не причиню вам вреда.

Девушка продолжала неподвижно стоять, схватившись одной рукой за подлокотник кресла. Обведя взглядом комнату, она вновь посмотрела на сидящего перед ней человека.

– Вы знаете, кто я, не так ли, дитя мое? – спросил он, и даже его вкрадчивый голос с новоорлеанским акцентом показался ей знакомым.

– Да, я знаю, кто вы.

На мгновение Констанс стало трудно дышать: настолько зловещим было сходство этого человека с другим – тем, которого она так хорошо знала. Разными у них были только волосы... и глаза.

Незнакомец кивнул:

– Что ж, я очень рад.

– Как вы сюда проникли?

– Как я проник, не столь важно. Гораздо важнее, почему я это сделал. Почему – вот верный вопрос. Вы не находите?

Констанс ненадолго задумалась.

– Да, наверно, вы правы. – Она сделала шаг вперед, убрала руку с подлокотника и медленно провела ею по краю стола. – Итак, почему вы здесь?

– Потому что пришло время поговорить – мне с вами. Вы должны меня выслушать. В конце концов, это единственная любезность, о которой я вас прошу.

Констанс сделала еще один шаг, ее пальцы медленно перемещались по полированной поверхности.

– Любезность? – переспросила она.

– Да. В конце концов, я...

Он не успел договорить: Констанс схватила со стола нож для бумаги и бросилась вперед. Это нападение было замечательно не только своей молниеносностью, но и абсолютной

внезапностью: Констанс не сказала и не сделала ничего, что заставило бы ее противника насторожиться.

Но она потерпела неудачу. В самый последний момент мужчина чуть наклонился в сторону, и нож по самую рукоятку вошел в потертую кожаную спинку кресла-качалки. Констанс вытащила его, быстро и опять-таки молча повернулась к незнакомцу и занесла нож над головой для следующего удара.

Она замахнулась, но противник хладнокровно увернулся от удара и, сделав неуловимое движение рукой, схватил ее за запястье. Констанс колотила его свободной рукой и вырывалась, пока оба не упали на ковер. Навалившись, незнакомец прижал ее к полу, нож отлетел в сторону.

Губы незнакомца находились всего в каком-то дюйме от ее уха.

– Констанс, – услышала она его тихий голос, – *Du calme. Du calme*⁶.

– Любезность! – закричала она. – Как вы смеете говорить о какой-то любезности! Вы убили друзей моего опекуна, оклеветали его, посадили в тюрьму!

Она замолчала и вновь стала сопротивляться. Из ее горла вырвался негромкий стон, в котором слышалось отчаяние, смешанное с другим, более трудно определимым чувством.

Мужчина продолжал говорить, и его голос звучал мягко, вкрадчиво:

– Пожалуйста, Констанс, поймите, что я не собираюсь причинять вам боль. И удерживаю вас лишь потому, что вынужден защищаться.

Она снова попыталась вырваться.

– Я вас ненавижу!

– Констанс, пожалуйста! Я должен вам кое-что сказать!

– Я не стану вас слушать! – выпалила она, задыхаясь.

Он продолжал прижимать ее к полу – мягко, но достаточно сильно. Постепенно Констанс затихла. Она лежала неподвижно, и сердце бешено колотилось у нее в груди. Неожиданно девушка услышала у своей груди биение его сердца – намного более спокойное. Незнакомец продолжал что-то успокаивающе шептать ей на ухо, хоть она и старалась не слушать.

Наконец он немного отстранился:

– Если я вас отпускаю, обещаете больше на меня не нападать? Вы будете сидеть спокойно и слушать, что я вам скажу?

Констанс ничего не ответила.

– Даже осужденный на смерть преступник имеет право быть выслушанным. К тому же, возможно, вы поймете, что все обстоит не совсем так, как кажется.

Констанс не произнесла ни слова. Через несколько долгих мгновений мужчина поднялся с пола и очень медленно отпустил ее запястья.

Она тут же встала и, тяжело дыша, разгладила передник. Ее взгляд вновь заметался по библиотеке. Противник, все еще занимавший стратегическое положение между нею и дверью, указал рукой на кресло-качалку.

– Пожалуйста, Констанс, – попросил он, – присядьте.

Девушка устало опустилась в кресло.

– Можем мы поговорить как цивилизованные люди, без истерики?

– Вы смеете называть себя цивилизованным человеком? Вы? Серийный убийца и вор? – Она презрительно засмеялась.

Мужчина медленно наклонил голову, проглотив обвинение.

– Мой брат, естественно, как следует вас обработал. Что ж, это ему всегда удавалось. Он удивительно обаятельный человек, к тому же имеет настоящий дар убеждения.

⁶ Успокойтесь. Успокойтесь (фр.).

– Неужели вы думаете, что я поверю хоть чему-нибудь из того, что вы скажете? Вы сумасшедший. Или даже хуже, если творите все это, находясь в здравом рассудке. – Констанс вновь бросила быстрый взгляд мимо него, в направлении двери в гостиную.

Диоген Пендергаст – а это был именно он – внимательно посмотрел на нее.

– Нет, Констанс, я не сумасшедший. И так же, как вы, очень боюсь безумцев. Видите ли, как это ни странно, у нас с вами много общего, и не только этот страх.

– У нас нет ничего общего.

– Несомненно, именно это и хотел внушить вам мой брат.

Констанс показалось, что на лице Диогена появилось выражение бесконечной грусти.

– Не спорю, я далеко не образец совершенства, и у вас нет никаких оснований доверять мне, – продолжал он. – Но надеюсь, вы поймете, что я не намерен причинять вам вред.

– Ваши намерения меня не интересуют. Вы похожи на ребенка, который поймал бабочку и заботится о ней, а на следующий день отрывает у нее крылья.

– Констанс, что вы знаете о детях? У вас такие серьезные и грустные глаза. Не ошибусь, если скажу, что вам пришлось очень многое пережить. Сколько непонятного и внушающего страх вы, должно быть, видели! Как пронизателен ваш взгляд! Он наполняет меня грустью. Да, Констанс, я подозреваю – нет, я уверен, – что вам не довелось испытать счастья, которое обычно дарит людям детство. Как, впрочем, и мне самому.

Констанс застыла на месте.

– Как я уже сказал, я пришел сюда, потому что настало время все вам рассказать. Вы должны узнать правду. Настоящую правду. – Он говорил так тихо, что слова почти невозможно было разобрать.

– Правду? – невольно переспросила Констанс.

– Да. О наших с братом отношениях.

В мягком свете гаснущего огня взгляд странных глаз Диогена Пендергаста казался смущенным, почти растерянным. Однако, когда он вновь посмотрел на Констанс, лицо его немного просветлело.

– Ах, Констанс, вы, возможно, мне не поверите, но, когда я смотрю на вас, мне кажется, я сделал бы все возможное, чтобы избавить вас от боли и страха и взять эту ношу себе. И знаете почему? Потому что, глядя на вас, я вспоминаю себя.

Констанс продолжала сидеть неподвижно, не говоря ни слова.

– Я вижу перед собой личность, которая хочет стать такой, как все, – обычным человеком, но которой суждено всегда быть одной. Я вижу личность, которая чувствует глубже, острее, чем готова это признать... даже самой себе.

Констанс задрожала. Диоген продолжал:

– Я чувствую вашу боль и ваш гнев. Боль из-за того, что вас покинули – и не один, а несколько раз. И гнев на несправедливость богов. «Почему я? Почему опять я?» Ведь это правда: вас оставили еще раз. Хотя вы до конца этого не осознаете. В этом наши судьбы тоже очень похожи. Я остался один, когда мои родители сгорели заживо по милости невежественной толпы. Мне удалось избежать смерти, а им нет. И у меня навсегда осталась уверенность, что умереть должен был я, а не они, что я виноват в том, что они погибли. Вы испытали то же чувство в связи со смертью вашей сестры Мэри – что это вы, а не она должны были умереть. По прошествии некоторого времени я был покинут во второй раз – моим братом. В ваших глазах я вижу недоверие. Но в конце концов, вы так мало знаете о моем брате. Все, о чем я прошу, – это чтобы вы выслушали меня.

Он поднялся. Констанс порывисто вздохнула и тоже привстала.

– Нет, – произнес он, и девушка вновь опустилась в кресло. В голосе Диогена теперь слышалась лишь бесконечная усталость. – Вам незачем бежать. Я сам сейчас уйду. Позже мы побеседуем еще раз, и я расскажу вам о детстве, которого у меня не было. И о старшем брате,

который платил за мою любовь ненавистью и презрением. Который получал удовольствие, разрушая все, что я создавал, будь то мои детские тетради со стихами или мои переводы Вергилия и Тацита. Который мучил и в конце концов убил моего любимца с такой жестокостью, что даже сегодня мне трудно об этом вспоминать. Мой брат задался целью восстановить всех против меня ложью и оговорами, сделать из меня своего зловещего двойника. Но когда и это не смогло меня сломить, он придумал нечто настолько ужасное... настолько ужасное... – При этих словах голос Диогена дрогнул. – Посмотрите на мой глаз, Констанс. Это самое малое из того, что он сделал.

Некоторое время в библиотеке царила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Диогена, старавшегося взять себя в руки. Невозможно было понять, куда устремлен его безжизненный взгляд – на Констанс или мимо нее, в пустоту.

Проведя рукой по лбу, он сказал:

– Мне пора идти. Но я кое-что вам оставил – вы найдете это позже. Это подарок от близкого человека, испытавшего такую же боль. Надеюсь, вы примете его с таким же чувством, с каким он был подарен.

– Я ничего от вас не приму, – заявила Констанс, однако вместо ненависти и непримиримости в ее голосе прозвучало смущение.

Задержав на ней взгляд, он медленно – очень медленно – повернулся и направился к выходу.

– До свидания, Констанс, – сказал он тихо, чуть обернувшись. – Не беспокойтесь, я найду дорогу назад.

Констанс неподвижно сидела в кресле, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов, и поднялась лишь после того, как он окончательно стих. Вставая, она почувствовала, как что-то шевельнулось в кармане ее передника, и вздрогнула от неожиданности. Это что-то продолжало шевелиться, и вдруг из кармана появилась усатая мордочка со смешно подергивающимся крошечным розовым носиком, глазами-бусинками и мягкими маленькими ушками. Оцепенев от удивления, Констанс подставила зверьку ладонь, и он тут же забрался на нее. Его передние лапки были прижаты к груди, словно он просил о помощи, усики дрожали, а крохотные бусинки глаз умоляюще смотрели в глаза девушки. Это была белая мышка – крохотная, с блестящей шерсткой и совершенно ручная. Сердце Констанс вдруг оттаяло – так внезапно, что она чуть не задохнулась, и из глаз ее брызнули слезы.

Глава 14

В неподвижном воздухе читальной комнаты Центрального архива кружились пылинки и довольно приятно пахло старым картоном, пылью, дерматином и кожей. Полированные панели покрывали стены до самого потолка в стиле рококо, с которого свисали две тяжелые люстры из позолоченной меди и хрусталя. У дальней стены виднелся камин по меньшей мере восьми футов в высоту и столько же в ширину, сложенный из кирпича и отделанный розовым мрамором. Центр комнаты занимали три массивных дубовых стола на толстых ножках, застеленные сукном. Это было одно из наиболее впечатляющих помещений музея – и менее всего известное широкой публике.

Прошло уже больше года с тех пор, как Нора заходила в архив в последний раз, и, несмотря на все его величие, воспоминания, которые он пробуждал в ней, отнюдь нельзя было назвать приятными. Но к несчастью, читальная комната Центрального архива была единственным местом, где она могла получить наиболее ценные исторические сведения.

Послышался тихий стук в дверь, и на пороге появилась плотная фигура Оскара Гиббса, держащего в мускулистых руках огромную кипу перевязанных бечевками старинных документов.

– Здесь очень много информации об этой гробнице Сенефа, – сказал он, с трудом перекладывая бумаги на стол. – Странно, что до вчерашнего дня я ничего о ней не слышал.

– О ней мало кто знает.

– Зато теперь в музее только о ней и говорят. – Гиббс покачал коротко стриженной головой, гладкой, как бильярдный шар. – Только в этом подzemелье и можно было спрятать египетскую гробницу. – Он постоял, переводя дух. – Вы помните распоряжение, доктор Келли? Мне придется запереть вас здесь. Когда закончите, позвоните четыре-два-четыре-ноль. Нельзя пользоваться бумагой и ручкой, кроме тех, что находятся в шкапулках. – Он бросил взгляд на ее ноутбук. – И не снимайте перчатки.

– Я все поняла, Оскар.

– Если я вдруг вам понадобится, найдете меня в архиве. Не забудьте: четыре-два-четыре-ноль.

Наконец огромная бронзовая дверь закрылась, и Нора услышала, как щелкнул хорошо смазанный замок. Она вернулась к столу. От аккуратных стопок документов исходил запах тлена. Нора внимательно просмотрела их, чтобы получить общее представление о том, что здесь находится и какую часть необходимо прочесть. И речи идти не могло, чтобы изучить все документы, – на это ушла бы целая вечность. Она запросила инвентарную опись гробницы Сенефа и все связанные с ней документы – с момента ее обнаружения в Фивах до закрытия выставки в 1935 году. Похоже, Оскар проделал огромную работу. Самые старые документы были написаны на французском и арабском языках, но с того момента, как гробница из собственности наполеоновской армии перешла британцам, преобладающим языком стал английский. Среди документов были письма, чертежи гробницы, рисунки, транспортные накладные, договора страхования, вырезки из журналов, старые снимки и научные монографии. После того как гробница оказалась в музее, количество документов увеличилось в разы. В толстых папках лежали строительные чертежи, карты, синьки с чертежей, доклады о проведении работ по консервации, различная переписка и бесчисленные счета, относящиеся ко времени открытия выставки. Кроме того, здесь были письма от простых посетителей выставки и ученых, внутренние доклады сотрудников музея и смета на проведение работ по консервации гробницы. В нижней папке оказались документы, имеющие отношение к новой станции подземки, и просьба музейного руководства к городскому совету Нью-Йорка о строительстве пешеходного тоннеля, который соединит станцию «Восемь-

десят первая улица» с новым подземным входом в музей. Самым последним документом был краткий отчет какого-то давно забытого хранителя об окончании работ по консервации выставки, датированный 14 января 1935 года.

Нора посмотрела на разложенную на столе грудку документов и вздохнула. Мензис хотел к завтрашнему утру получить их краткое описание, с тем чтобы приступить к работе над «сценарием» выставки и описанием экспонатов. Она проверила время: ровно час дня. Во что же она позволила себя втянуть?

Включив ноутбук, Нора стала ждать, пока он загрузится. По настоянию своего мужа Билла она недавно сменила ПК на «Мак», после чего время загрузки компьютера сократилось во много раз, составив восемь и девять десятых секунды вместо долгих двух с половиной минут. Разница была такой, словно она пересела из «форда-фиесты» в «мерседес». Увидев появившееся на экране монитора яблоко – логотип компании «Эпл Макинтош», Нора подумала, что хоть что-то в ее жизни идет как положено.

Надев жесткие льняные перчатки, она начала развязывать бечевку, которой была перевязана первая пачка документов, но ей не удалось справиться с узлом вековой давности: бечевка порвалась, и над столом поднялось облачко пыли.

С величайшей осторожностью Нора раскрыла первую папку, вынула из нее пожелтевший документ, написанный по-французски причудливым витиеватым почерком, и углубилась в процесс его расшифровки, время от времени делая пометки на компьютере. Несмотря на то что почерк разобрать было очень трудно, а познания Норы во французском языке оставляли желать много лучшего, вскоре она с удивлением обнаружила, что ее по-настоящему захватила история, вкратце рассказанная Мензисом накануне, во время их визита в гробницу.

Когда Наполеон вел войны в Европе, в голову ему пришла потрясающая идея – пройти по всему Среднему Востоку тем же путем, которым во время своих завоевательных походов шел Александр Македонский. В 1798 году началось вторжение в Египет, в нем были задействованы четыреста кораблей и пятьдесят пять тысяч солдат. Наполеон также воплотил в жизнь радикально новую по тем временам идею: он привел с собой более ста пятидесяти гражданских ученых и инженеров, на которых возлагалась задача всестороннего изучения Египта и его загадочных руин. Одним из тех ученых и был молодой энергичный архитектор по имени Бертран Маньи де Каор.

Де Каор одним из первых исследовал величайшую находку египтологов всех времен – Розеттский камень, который откопали наполеоновские солдаты, возводившие укрепления вдоль береговой линии. Это открытие вдохновило его, показав, какие еще находки могут ждать впереди. Де Каор последовал за французской армией на юг, вверх по течению Нила, где были обнаружены величественные храмы Луксора, а на другом берегу реки – Долина царей, древнее ущелье в пустыне, которому суждено было стать самым знаменитым кладбищем в мире.

Большинство гробниц Долины царей были высечены в скале, и перевезти их не представлялось возможным. Однако усыпальницы менее могущественных фараонов, регентов и визирей, находившиеся в верхней части долины, являли собой сооружения из известняковых блоков. Одну из таких гробниц – а именно гробницу Сенефа, визиря и регента Тутмоса IV, – де Каор и решил разобрать, чтобы потом переправить во Францию. Это был рискованный и даже опасный технический проект, поскольку блоки весили по несколько тонн каждый. Их приходилось по одному спускать со скалы высотой двести футов, затем везти на повозках к берегу Нила, где они перегружались на баржи, и сплавлять вниз по течению.

С самого начала де Каора преследовали неудачи. Местные жители отказались участвовать в разборе гробницы, опасаясь проклятия, поэтому пришлось привлечь к работам группу французских солдат. Первое несчастье произошло, когда вскрыли внутреннюю гробницу, которая еще в древности была повторно замурована после ограбления. Девять человек

погибли почти сразу. Позже было высказано предположение, что камеру заполнил углекислый газ, выделяемый подземными водами, которые протекают в известняке глубоко внизу, и именно он стал причиной смерти трех солдат, первыми вошедших в гробницу, а также еще шестерых, отправленных на их поиски.

Однако де Каор был настроен решительно, и гробницу в конце концов разобрали, блоки пронумеровали и доставили по Нилу к Абукиру, где они были выгружены на берег и разложены на песке в ожидании отправки во Францию.

Знаменитое сражение при Абукире нарушило планы де Каора. После того как адмирал Горацио Нельсон встретился с огромной флотилией Наполеона и наголову разбил ее в одном из самых важных в истории морских сражений, Наполеон бежал на маленьком судне, оставив свою армию отрезанной от Франции. Наполеоновские войска вскоре сдались, и по условиям капитуляции вся сказочная коллекция египетских древностей, включая Розеттский камень и гробницу Сенефа, отошла британской стороне. Через день после подписания договора де Каор покончил с собой – нанес себе удар мечом прямо в сердце, стоя на коленях между известняковыми блоками на раскаленном песке Абукира. Тем не менее память о нем как о первом в мире египтологе сохранилась, а его потомок предложил музею финансировать работы по восстановлению гробницы.

Нора отложила первую стопку документов и взялась за следующую. Некий шотландец, офицер королевского флота капитан Алисдер Уильям Артур Кьюмин, впоследствии барон Рэттрей, сумел присвоить гробницу Сенефа в результате какой-то грязной сделки – в документах упоминались игра в карты и две проститутки. Барон Рэттрей переправил гробницу в свое поместье на Шотландском нагорье и собрал ее там, в результате чего разорился и был вынужден продать часть родовых земель. Последующие бароны Рэттреи с трудом сводили концы с концами вплоть до середины девятнадцатого века, пока последний представитель этого рода в отчаянной попытке спасти то, что осталось от поместья, не продал гробницу американскому железнодорожному магнату Уильяму С. Спрэггу. Спрэгг, один из первых попечителей музея, перевез ее через Атлантику и воссоздал в первоизданном виде в музее, строительство которого тогда еще не было закончено. Этот проект захватил его целиком, и он месяцами маячил на строительной площадке, подгоняя рабочих и путаясь у них под ногами. По жестокой иронии судьбы, всего за два дня до торжественного открытия выставки в 1872 году Спрэгг был раздавлен колесами конной кареты «скорой помощи».

Нора отложила документы, решив сделать небольшой перерыв. Еще не было и трех часов, а она уже успела просмотреть больше бумаг, чем рассчитывала. Если удастся покончить с ними до восьми, она даже успеет поужинать с Биллом в «Костях». Ему понравится эта мрачная, покрытая пылью история. Перед открытием выставки из нее получится неплохой материал для раздела культуры.

Нора взяла в руки следующую связку – это были музейные документы, находившиеся в гораздо лучшем состоянии. В первой папке оказались бумаги, имеющие отношение к открытию выставки, и несколько приглашений с золотым тиснением:

*Президент Соединенных Штатов Америки почтенный генерал Улисс С. Грант,
Губернатор штата Нью-Йорк почтенный Джон Т. Хоффман,
Президент Нью-Йоркского музея естественной истории
д-р Джеймс К. Моретон,
попечители и директор музея сердечно приглашают вас
на обед и бал по случаю открытия
ВЕЛИКОЙ ГРОБНИЦЫ СЕНЕФА,
регента и визиря Тутмоса IV,
правителя Древнего Египта в 1419–1386 гг. до н. э.*

Примадонна Элеонора де Графф-Болконски исполнит арии из новой знаменитой оперы Джузеппе Верди «Аида». Гости приглашаются в египетских костюмах.

Нора держала пожелтевшее приглашение в руке, с изумлением думая о том, какую, оказывается, важную роль музей играл в общественной жизни в прошлом, раз приглашения подписывал сам президент. Она перебрала еще несколько бумаг и нашла второй документ – меню званого обеда:

*Разнообразные закуски
Консоле «Ольга»
Кебаб по-египетски
Филе-миньон «Лили»
Овощное пюре *Farsie*
Жаркое из голубя с кресс-салатом
Запеченный пахтет из гусиной печени
Бабагануш
Вальдорфский пудинг
Персики в желе «Шартрез».*

Насчитав дюжину чистых приглашений, Нора взяла одно и вместе с меню положила в папку с надписью «Снять фотокопию». Надо обязательно показать это Мензису. Еще она подумала, что было бы здорово воспроизвести церемонию первоначального открытия гробницы – конечно, без костюмированного бала – и предложить то же меню для обеда.

Нора принялась читать пресс-релизы торжественного вечера. Как оказалось, это было одно из тех знаменательных общественных событий Нью-Йорка конца девятнадцатого века, которым уже никогда не суждено повториться. В списке приглашенных значились все великие фамилии начала золотого века: Асторы и Вандербильты, Уильям Батлер Дункан, Уолтер Лэнгдон, Уард Макалистер и другие. В этой же папке обнаружили фотографии из «Харперс уикли» со сценами бала – на танцующих были самые причудливые и нелепые версии египетского костюма...

Однако нужно было спешить. Нора отложила просмотренные бумаги в сторону и открыла следующую папку. В ней тоже оказалась вырезка, на этот раз из «Нью-Йорк сан» – одной из самых скандальных газет того времени. На фото был запечатлен темноволосый человек со светлыми глазами, в феске и длинном ниспадающем одеянии. Нора быстро пробежала глазами содержание статьи.

*Специально для «Сан»:
НА ГРОБНИЦУ В НЬЮ-ЙОРКСКОМ МУЗЕЕ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НАЛОЖЕНО ЗАКЛЯТИЕ
ЕГИПЕТСКИЙ БЕЙ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ
ПРОКЛЯТИЕ ГЛАЗА ГОРА*

Нью-Йорк. В ходе недавнего визита в Нью-Йорк его высочества Абдула эль-Мизара, бея Болбоссы, что в Верхнем Египте, этот джентльмен из страны фараонов был потрясен, узнав, что в Нью-Йоркском музее естественной истории открылась выставка, посвященная гробнице Сенефа.

Высокопоставленный египтянин и его свита, осматривавшие экспозицию, в ужасе бежали прочь от гробницы, предупредив других посетителей, что если те войдут в гробницу, то тем самым обрекут себя на неминуемую и ужасную смерть.

«На эту гробницу наложено заклятие, хорошо известное на моей родине», – позже сказал эль-Мизар корреспонденту «Сан».

Нора улыбнулась. Автор статьи продолжал в том же духе, мешая откровенные угрозы с чудовищно искаженными историческими фактами, и закончил, как и следовало ожидать, «требованием» предполагаемого «бея Болбоссы» немедленно вернуть гробницу в Египет. В заключение были приведены слова некоего официального представителя музея, заявившего, что гробницу ежедневно посещают несколько тысяч человек, но пока еще никаких «неприятных инцидентов» не произошло.

За статьей следовал шквал писем, по большей части от людей откровенно ненормальных. В них рассказывалось о неких таинственных существах, присутствие которых они ощутили во время посещения гробницы. Несколько человек жаловались на ухудшение состояния здоровья: одышку, испарину, учащенное сердцебиение, нервные расстройства. В одном письме, самом примечательном из всех, рассказывалось о ребенке, упавшем в колодезь и сломавшем обе ноги (одну ногу впоследствии пришлось ампутировать). После длительных переговоров с участием адвокатов было достигнуто полюбовное соглашение, по которому музей должен был выплатить родителям ребенка компенсацию в размере двухсот долларов.

Нора открыла следующую, очень тонкую папку и с удивлением увидела внутри единственный пожелтевший кусочек картона с наклейкой, на которой значилось следующее:

«Содержимое этой папки отдано на ответственное хранение 22 марта 1938 года.

Подпись: Люсьен П. Стробридж, хранитель отдела Древнего Египта».

Нора удивленно вертела карточку в руках. Ответственное хранение? Должно быть, это то же самое, что в настоящее время называется сохранной зоной, где находятся самые ценные из принадлежащих музею артефактов. Что же находилось в этой папке, коль скоро ее пришлось убрать под замок?

Вернув кусочек картона на место, Нора отложила папку, решив заняться ею позже. Непросмотренной оставалась одна пачка. Развязав ее, Нора обнаружила, что она состоит главным образом из писем, относящихся к строительству пешеходного тоннеля, который соединял музей со станцией метро «Восемьдесят первая улица».

Корреспонденция была чрезвычайно обширной, и, изучая ее, Нора начала понимать, что рассказанная Мензисом история о консервации гробницы в связи со строительством тоннеля не вполне соответствует действительности. Все было как раз наоборот: городские власти предлагали протянуть пешеходный переход от ближайшей к музею части станции, в стороне от входа в гробницу, – это было бы самым дешевым и простым решением. Однако музейное начальство по каким-то причинам захотело направить тоннель к дальней части станции метро, после чего заявило, что тоннель отрежет вход в гробницу и поэтому ее необходимо законсервировать. Создавалось впечатление, что руководство музея желало закрытия выставки.

Нора продолжала читать. На самом дне папки ей попало письмо какого-то городского чиновника, спрашивавшего, почему администрация музея так категорически настаивает на более дорогостоящем проекте строительства тоннеля. На полях письма имелась приписка, сделанная тем самым Люсьеном Стробриджем, который отправил на ответственное хранение содержимое предыдущей папки:

Скажите ему что-нибудь. Я настаиваю на закрытии гробницы. Мы не можем упустить последний шанс избавиться от этой проклятой проблемы.

Л. П. Стробридж

«От проклятой проблемы? Интересно, что Стробридж имел в виду?» – подумала Нора. Она вновь перебрала содержимое папки, но не нашла ничего, что указывало бы на какие-то проблемы, связанные с гробницей, помимо уже упоминавшегося выше недовольства бея Болбоссы и спровоцированного им потока писем от не вполне здоровых людей.

Ответ на этот вопрос, решила Нора, нужно искать в сохранной зоне. В конце концов, все это не слишком важно, а она и так уже опаздывает. Можно продолжить поиски потом, когда будет побольше времени. Если она сейчас же не приступит к написанию доклада, то так и не поужинает с Биллом.

Нора придвинула к себе ноутбук, открыла новый файл и начала печатать.

Глава 15

На следующий день капитан отдела по расследованию убийств Лора Хейворд, предъявив удостоверение, была почтительно препровождена в кабинет Джека Манетти, начальника службы безопасности Нью-Йоркского музея естественной истории. Хейворд с удовлетворением отметила тот факт, что руководитель охраны музея, администрация которого казалась чрезмерно озабоченной своим статусом, выбрал для своего кабинета маленькое помещение без окон, расположенное в задней части здания, и обставил его в высшей степени функциональной мебелью – металлическими столами и стульями. Это свидетельствовало о наличии у него положительных качеств – по крайней мере, Лора на это надеялась.

Манетти совсем не обрадовался ее появлению, но постарался проявить гостеприимство, предложив гостье стул и кофе, от которых та отказалась.

– Я здесь в связи с делом о нападении на Грин, – сказала она, – и хочу попросить вас проводить меня на выставку «Священные образы» и ответить на несколько дополнительных вопросов, связанных с входом и выходом посетителей, обеспечением безопасности и тому подобными вещами.

– Но мы ведь все это обсудили несколько недель назад, – удивленно заметил Манетти. – Я думал, расследование закончено.

– Мое расследование продолжается, мистер Манетти.

Манетти облизал губы.

– Вы беседовали с директором? У нас существует правило координировать все...

Лора, не дав ему договорить, встала и с раздражением произнесла:

– У меня не слишком много времени. Думаю, у вас тоже. Пойдемте.

Она шла за начальником службы безопасности по лабиринту коридоров и пыльных залов, пока не оказалась у входа на выставку. Музей еще не закрылся, и все двери, ведущие к экспозиции, оставались распахнутыми, но посетителей уже почти не было.

– Давайте начнем отсюда, – предложила Хейворд. – Я несколько раз мысленно воспроизвела все произошедшее, но кое-что для меня осталось непонятным. Преступник должен был войти в зал через эту дверь. Правильно?

– Да.

– Дверь в противоположном конце зала открывается только изнутри, а не снаружи. Так?

– Совершенно верно.

– А система безопасности должна была фиксировать всех, кто входил в помещение и выходил из него, поскольку в каждой магнитной карточке-ключе закодировано имя владельца.

Манетти кивнул.

– Однако система сделала единственную запись – о том, что в зал вошла Марго Грин. Следовательно, преступник потом украл у нее карточку и воспользовался ею, чтобы выйти с выставки.

– Таково было наше предположение.

– Грин могла войти и выйти через уже открытую кем-то дверь.

– Нет. Во-первых, это противоречит правилам, во-вторых, система зафиксировала, что она этого не делала. Через несколько секунд после того, как она вошла, дверь вновь автоматически закрылась. У нас имеется соответствующая запись.

– Получается, что преступник прятался в зале с пяти часов вечера, когда выставка закрывается для посетителей, до двух часов ночи, когда было совершено нападение.

Манетти кивнул.

– Либо он сумел каким-то образом обмануть систему безопасности.

– Мы считаем, что это практически невозможно.

– А я почти уверена, что именно так и было. Я много раз бывала в этом зале после нападения и считаю, что преступнику здесь практически негде спрятаться.

– В тот момент строительные работы еще не были завершены, и в зале оставалось полно всякого хлама.

– Нападение произошло за два дня до открытия выставки. Почти все уже было убрано.

– Наша система безопасности практически не дает сбоев.

– А как же Алмазный зал?

Лора заметила, что Манетти сжал губы, и почувствовала внезапный укол совести. Подобные замечания были не в ее характере. Она знала, что в последнее время ведет себя как самая настоящая стерва, и это ей не нравилось.

– Спасибо, мистер Манетти, – сказала она, – я хочу еще раз осмотреть зал, если вы не возражаете.

– Вы – наша гостья.

– Я с вами свяжусь.

Манетти исчез, и Хейворд задумчиво прошлась по залу, где было совершено нападение на Марго Грин, в который раз пытаясь представить себе каждый шаг преступника – как в некоем мысленном подобии замедленной съемки. Она старалась не слушать голос, нашептывавший ей, что это бесполезная затея: невозможно найти что-то важное через несколько недель после преступления, да еще когда здесь побывала добрая сотня тысяч человек. Голос внушал ей, что она занимается совсем не тем, чем надо, и лучше бы ей, пока не поздно, подумать о своей жизни и своей карьере.

Она сделала еще один круг по залу, и тихий голос наконец замолк, заглушаемый громким стуком ее каблучков. Подойдя к стеллажу, возле которого было обнаружено пятно крови, она вдруг увидела отделившуюся от шкафа фигуру в темном костюме. Человек пригнулся, готовый вот-вот наброситься на нее.

Лора выхватила оружие и прицелилась:

– Не двигаться! Полицейское управление Нью-Йорка!

Человек выпрямился, издав булькающий звук и взмахнув руками, непокорная прядь волос упала на глаза. Лора узнала в нем Уильяма Смитбека, журналиста «Нью-Йорк таймс».

– Не стреляйте! – крикнул репортер. – Я просто хотел кое-что осмотреть. Господи, как же вы меня напугали этой штукой!

Хейворд смущенно убрала оружие в кобуру:

– Простите, я немного нервничаю.

Смитбек прищурился:

– Вы капитан Хейворд, верно?

Она кивнула.

– А я освещаю дело Пендергаста для «Таймс».

– Мне это известно.

– Хорошо. А знаете, я ведь хотел с вами поговорить.

Лора посмотрела на часы:

– Я очень занята. Позвоните в управление и запишитесь на прием.

– Я уже пытался. Мне сказали, что вы не общаетесь с журналистами.

– Это правда.

Лора мрачно посмотрела на него и сделала шаг вперед, но Смитбек продолжал стоять на месте, не давая ей пройти.

– Позвольте...

– Послушайте, – быстро заговорил он, – я думаю, мы можем помочь друг другу. Обмен информацией и все такое – ну, вы понимаете.

– Если вы располагаете какой-то информацией, имеющей отношение к делу, лучше выкладывайте ее сейчас, иначе я привлеку вас за попытку воспрепятствовать правосудию, – резко ответила она.

– Нет, я совсем не о том! Дело в том, что... Видите ли, пожалуй, я знаю, почему вы сюда пришли. Вы не удовлетворены результатами расследования. Вы думаете, что, возможно, на Марго напал не Пендергаст. Я прав?

– С чего вы это взяли?

– Капитан отдела по расследованию убийств не станет тратить свое драгоценное время на посещение места преступления, если дело закрыто. Значит, у вас имеются сомнения.

Хейворд ничего не сказала, чтобы не выдать своего удивления.

– Вы думаете: а не мог ли быть убийцей Диоген Пендергаст, брат специального агента? Вот почему вы здесь.

Хейворд продолжала молчать, ее удивление росло.

– И между прочим, я здесь по той же самой причине. – Смитбек помолчал и с любопытством посмотрел на нее, словно желая увидеть, какой эффект произвели его слова.

– С чего вы решили, что это был не агент Пендергаст? – осторожно спросила она.

– Потому что я хорошо знаю агента Пендергаста. Я, так сказать, освещал его деятельность со времени музейных убийств, произошедших семь лет назад. С Марго Грин я тоже знаком – она звонила мне из больницы. Марго клянется, что напавший на нее человек не Пендергаст. Она сказала, что у нападавшего глаза были разного цвета: один ореховый, другой – молочно-голубой.

– Пендергаст известен как мастер перевоплощений.

– Да, но это описание указывает на его брата. Зачем агенту выдавать себя за своего брата? К тому же нам уже известно, что именно его брат совершил кражу алмазов и похитил ту женщину, леди Маскелене. Из всего этого напрашивается единственный вывод: Диоген напал на Марго и подставил своего брата. Что и требовалось доказать.

И вновь Хейворд, стараясь ничем не выдать своего изумления, подумала, насколько одинаково они мыслят. Наконец она позволила себе улыбнуться.

– Ну что ж, мистер Смитбек, вижу, вы очень любознательный журналист.

– Да, я такой, – поспешил подтвердить Смитбек, убирая назад свой непокорный чуб, который вновь упал ему на глаза.

Лора немного помолчала, обдумывая услышанное.

– Что ж, хорошо. Может быть, мы действительно сумеем помочь друг другу. Мое участие, естественно, будет неофициальным и должно остаться в тайне.

– Естественно!

– Кроме того, обо всем, что вы раскопаете, вы должны будете сразу же сообщить мне. До того как напишете об этом в своей газете. Я соглашусь работать с вами только на таких условиях.

Смитбек быстро закивал головой:

– Да-да, конечно!

– Очень хорошо. Похоже, Диоген Пендергаст исчез. Его след обрывается у его убежища на Лонг-Айленде – в том месте, где он удерживал леди Маскелене. Такое бесследное исчезновение в наши дни практически невозможно – за одним исключением: он, скорее всего, принял другое обличье. Обличье, в котором существовал задолго до всего этого.

– У вас есть какие-то соображения?

– Никаких. Однако, если вы напишете о нем, возможно, какая-нибудь зацепка появится: какой-то намек, сигнал от любопытных соседей. Вы понимаете, о чем я говорю? Естественно, мое имя не должно упоминаться.

– Конечно понимаю. А что... что я получу взамен?

Улыбка Хейворд стала шире.

– Вы неправильно меня поняли. Это я делаю вам одолжение, и вопрос в том, что вы сделаете для меня в ответ. Мне известно, что вы пишете о краже алмазов, и я хочу знать все детали этого дела – важные и не очень. Потому что вы правы: я действительно считаю, что за кражей алмазов и убийством Дюшана стоит Диоген. Мне нужны все имеющиеся улики, а поскольку я работаю в отделе по расследованию убийств, мне довольно трудно получить доступ к информации на уровне полицейских участков.

Лора не сказала, что капитан Синглтон, занимающийся делом о краже алмазов, вряд ли поделится с ней информацией.

– Нет проблем, договорились.

Хейворд повернулась, чтобы идти, но Смитбек окликнул ее:

– Подождите!

Она обернулась, удивленно приподняв бровь.

– Когда мы увидимся в следующий раз? – спросил журналист. – И где?

– Мы не увидимся. Просто позвоните мне, если... если узнаете что-то важное.

– О'кей.

И она ушла, а Смитбек остался стоять в полутьме выставочного зала, торопливо записывая что-то на клочке бумаги.

Глава 16

Джей Липпер, специалист по компьютерным эффектам, стоял в пустой погребальной камере, всматриваясь в темное пространство. С тех пор как музейное начальство громко объявило о новом открытии гробницы Сенефа, прошло четыре недели, три из которых Липпер уже отработал. На сегодня было намечено важное совещание, и он пришел на десять минут раньше, чтобы успеть обойти гробницу и наглядно, а не на чертеже представить себе, как все будет выглядеть: где протянуть волоконно-оптический кабель, где установить светодиоды, микрофоны, как расположить подсветку и голографические экраны. До торжественного открытия выставки оставалось всего две недели, а сделать еще предстояло очень и очень много.

Откуда-то со стороны входа в гробницу доносился гул голосов. Он эхом отражался от стен многочисленных камер, искажаясь и смешиваясь с ударами молотков и визгом пил, — это не покладая рук трудились бригады рабочих. Руководство музея не жалело денег, в том числе и на оплату услуг Липпера, которые стоили сто двадцать долларов в час. А если учесть, что работал он по восемьдесят часов в неделю, то при расчете должен был получить целое состояние. С другой стороны, он отработывал каждый потраченный на него цент. Тем более что в помощники ему дали какого-то придурка. Человек, которого музей выделил ему в качестве прокладчика кабеля, наладчика электронного оборудования и, так сказать, мальчика на побегушках, был полным идиотом, и если это — типичный представитель местного технического персонала, то музею можно только посочувствовать. Амбиции у этого куска дерьма непомерные, а серого вещества в его тупой башке небось не больше, чем у спаниеля. Наверняка этот парень все свободное время проводит в спортивном зале, вместо того чтобы с утра до ночи изучать технологию, в которой он, по правде говоря, ни черта не смыслит.

Как раз в этот момент в коридоре раздался голос придурка:

— Темно как в могиле, правда, Джей?

С этими словами Тедди де Мео, тяжело ступая, появился из-за угла. В руках у него была огромная кипа чертежей.

Липпер поджал губы и в очередной раз напомнил себе, что ему платят сто двадцать долларов в час. Хуже всего было то, что Липпер, еще не зная, что представляет собой де Мео, рассказал ему о своей любимой сетевой компьютерной игре «Страна Даркмуд». И де Мео тут же присоединился к играющим. Персонаж Липпера, странствующий эльф в волшебной шляпе из оникса и с целой книгой страшных заклятий, несколько недель готовил военную экспедицию к далекому, хорошо укрепленному замку. Только он начал набор в свою армию, как откуда ни возьмись возник де Мео в образе тупого орка с дубиной в руке. Он записался добровольцем и стал вести себя как старый приятель Липпера: задавал идиотские вопросы и сыпал дурацкими шутками, позоря его перед остальными игроками.

Де Мео остановился перед ним, тяжело дыша и воняя какой-то тухлятиной. По лицу его катился пот.

— Ну-ка посмотрим. — Он развернул лист бумаги, как и следовало ожидать, вверх ногами и потратил еще несколько секунд на то, чтобы придать чертежу нужное положение.

— Дай-ка мне. — Липпер расправил чертеж и посмотрел на часы. До совещания оставалось еще пять минут. Ничего страшного: когда платят два доллара за минуту, можно и подождать. Он потянул носом. — Надо что-то делать с этой влажностью. Я не могу устанавливать электронику в парилке.

— Да, — произнес де Мео, оглядываясь. — Посмотри-ка на это дерьмо. Интересно, что это? У меня прямо мурашки бегут по коже.

Липпер взглянул на фреску, на которую указывал де Мео: на ней было изображено человеческое существо с черной головой насекомого и в одеждах фараона. Погребальная камера вообще была не слишком приятным местом: стены казались черными от покрывающих их иероглифов, потолок был расписан в виде ночного неба – на темно-синем фоне причудливые желтые звезды и луна. Но по правде говоря, Липперу нравилось ощущение, которое он испытывал, находясь в гробнице. Каждый раз, приходя сюда, он представлял, что попал в Даркмуд.

– Это бог Хепри, – сказал он. – Человек с головой скарабея. Он помогает солнцу плыть по небу.

Работа над проектом доставляла Липперу удовольствие, и последние несколько недель он с головой погрузился в изучение египетской мифологии, пытаясь найти нужный фон и интересные визуальные решения.

– Мумия встречается с насекомым, – захохотал де Мео.

Их разговор был прерван приближающимися голосами: в погребальную камеру вошла группа людей во главе с Мензисом.

– Джентльмены, рад, что вы уже здесь. У нас не так много времени. – Подойдя поближе, Мензис по очереди пожал им руки. – Уверен, что вы знакомы.

Все присутствующие кивнули. Еще бы им не быть знакомыми – ведь они практически не расставались несколько последних недель! Среди пришедших была Нора Келли (по крайней мере, с ней Липперу было приятно работать), самодовольный, напыщенный британец по имени Уичерли и самая примечательная личность – куратор отдела антропологии Джордж Эштон. Таким образом, явились все члены комитета.

Когда новоприбывшие обменивались короткими репликами, Липпер неожиданно почувствовал сильный толчок. Обернувшись, он увидел де Мео – тот стоял с открытым ртом, подмигивая ему и ухмыляясь.

– Ты только глянь, – зашептал он, кивая в сторону доктора Келли. – Да ради такой штучки я облазил бы здесь все вдоль и поперек!

Липпер отвернулся и выразительно поднял глаза вверх.

– Ну что ж, – вновь обратился к ним Мензис, – пройдемся?

– Конечно, доктор Мензис, – откликнулся де Мео.

Липпер смерил идиота взглядом, который, как он надеялся, заставит того заткнуться. Все здесь было воплощением его плана, результатом его мастерства и умения. Де Мео занимался лишь прокладкой кабеля да установкой и подключением оборудования.

– Давайте начнем с самого начала, – произнес Липпер, приглашая всех вернуться ко входу в гробницу и украдкой бросив еще один предостерегающий взгляд на де Мео.

Все двинулись в обратном направлении – мимо строителей и незаконченных объектов. Когда они приблизились к входу в гробницу, раздражение, которое Липпер испытывал в присутствии де Мео, сменилось возбуждением. Сценарий светозвукового шоу был написан Уичерли и серьезно дополнен Мензисом и Келли. Конечный результат оказался удачным, очень удачным. А когда он воплотится в реальность, то будет еще лучше. Эта выставка обещает стать настоящим событием.

Достигнув Первого перехода бога, Липпер обернулся и посмотрел на остальных.

– Светозвуковое шоу запускается автоматически. Главное, чтобы посетители шли не по одному, а группой. Скрытые от посторонних глаз датчики будут реагировать на их приближение и поочередно включать фрагменты шоу. Когда один закончится, зрители перейдут в другую камеру и увидят следующий. После окончания шоу у них еще останется пятнадцать минут на то, чтобы осмотреть гробницу, после чего их проводят к выходу. – Липпер указал на потолок. – Первый датчик будет располагаться здесь, в углу. Когда посетители достигнут

этой точки, он сработает, и через тридцать секунд – чтобы подтянулись все остальные – начнется первый фрагмент, который я называю первым актом.

– Как вы спрячете кабель? – поинтересовался Мензис.

– Это не проблема, – тут же встрял де Мео. – Он будет проложен в черной трубке диаметром один дюйм, которую никто не увидит.

– К покрытой краской поверхности ничего прикреплять нельзя, – тут же заявил Уичерли.

– Нет-нет, трубка выполнена из стали, крепится на специальных опорах. Нужно лишь зафиксировать ее по углам. Она пройдет в двух миллиметрах от стены, даже не коснувшись ее.

Уичерли удовлетворенно кивнул, а Липпер с облегчением перевел дух, довольный тем, что де Мео не выставил себя идиотом – по крайней мере, пока.

Специалист по компьютерным эффектам провел своих спутников в следующую камеру.

– Когда посетители достигнут середины Второго перехода бога – мы сейчас как раз находимся в этой точке, – свет внезапно погаснет, послышатся шум, приглушенные голоса, удары кирок о камень. Вначале это будут лишь звуки в темноте, никаких визуальных эффектов. Голос диктора сообщит, что гробница Сенефа вот-вот будет разграблена теми же самыми жрецами, которые похоронили его несколько месяцев назад. По мере того как злоумышленники станут приближаться к первой замурованной двери, удары будут звучать все громче. Грабители будут стучать по ней кирками, и наконец одному из них удастся проникнуть внутрь. Вот тут-то и включится видеоаппаратура.

– Момент, когда они взламывают дверь, особенно важен, – перебил его Мензис. – Здесь должен раздаться гулкий удар киркой, грохот падающих внутрь гробницы камней, а за ними последует ослепительная вспышка света, напоминающая молнию. Это ключевой момент, и его нужно сделать максимально эффектным.

– Он будет эффектным.

Неожиданно Липпер почувствовал раздражение. Мензис, несмотря на все свое обаяние, любил совать нос в технические детали, и Липпер опасался, что ему захочется поруководить установкой оборудования.

– Затем зажжется свет, и голос диктора предложит всем пройти к колодцу, – продолжал он, ведя ученых по длинному коридору и широкой лестнице. Все подошли к вновь построенному мосту через колодец, достаточно широкому, чтобы по нему могла одновременно пройти довольно большая группа людей. – Когда посетители подойдут к колодцу, – объяснил Липпер, – датчик среагирует на их приближение и начнется второй акт.

– Именно так, – вмешался де Мео. – Каждый акт контролируется двумя двухпроцессорными компьютерами «Пауэр-Мак Джи-пять», соединенными с третьим «Джи-пять», который одновременно является дублирующим и выполняет роль ведущего регулятора.

Липпер закатил глаза: де Мео только что слово в слово произнес то, что должен был сказать он сам.

– Где будут располагаться эти компьютеры? – спросил Мензис.

– Мы хотели протянуть кабель сквозь стену...

– Послушайте, – подал голос Уичерли. – Никто не имеет права сверлить стены этой гробницы.

Де Мео повернулся к нему:

– Видите ли, дело в том, что давным-давно их уже просверлили, причем в пяти местах! Отверстия потом были зацементированы, но мне удалось найти их и очистить. – Де Мео сложил на груди мускулистые руки с видом ребенка, только что швырнувшего песком в лицо более слабому противнику.

– Что находится в дальнем конце? – спросил Мензис.

– Хранилище, – сообщил де Мео. – В настоящее время оно пусто. Мы собираемся переоборудовать его в диспетчерскую.

Липпер откашлялся, не собираясь дольше терпеть вмешательство своего помощника:

– Во втором акте посетители увидят цифровое изображение грабителей, строящих мостки через колодец, чтобы вскрыть следующую замурованную дверь. В этот момент напротив колодца опустится экран – естественно, так, что посетители ничего не заметят, и благодаря установленному в дальнем конце голографическому прожектору на нем появятся изображения преступников, как они с горящими факелами идут по проходу, а потом вскрывают и выбивают внутреннюю дверь и вваливаются в погребальную камеру. Идея заключается в том, чтобы зрители представили себя членами воровской шайки. Они последуют за грабителями во внутреннюю гробницу, где начнется третий акт.

– Лара Крофт отдыхает! – воскликнул де Мео, оглядывая присутствующих и радуясь собственному остроумию.

Все вошли в погребальную камеру, где Липпер вновь остановился.

– Прежде чем что-либо увидеть, посетители услышат звуки – падение камней, крики. Войдя в погребальную камеру, они наткнутся на ограждение – вот здесь. И тут развернется основное действие. Вначале – темнота, наполненная испуганными, возбужденными головами. Затем вновь раздадутся удары и звуки падения. Потом внезапная вспышка, за ней вторая – зажигаются факелы, и при их свете все видят покрытые потом, испуганные и алчные лица жрецов. И золото! Повсюду блеск золота! – Он повернулся к Учирли. – Именно так, как вы написали в сценарии.

– Превосходно!

– После того как зажгутся факелы, начнет сверкать молния, выхватывая из темноты различные части погребальной камеры. Грабители сталкивают и разбивают каменную крышку саркофага. Потом они поднимают крышку внутреннего саркофага, отлитую из золота, – и один из них запрыгивает внутрь и срывает с мумии погребальные бинты. После этого они с торжествующим воплем достают скарабея и разбивают его об пол, уничтожая, таким образом, его сверхъестественную силу.

– Это кульминационный момент, – возбужденно вставил Мензис. – Мне бы хотелось, чтобы здесь раздался раскат грома и вспыхнула молния.

– И вы это получите, – успокоил его де Мео. – У нас имеются звуковые системы «Долби сурраунд» и «Пролоджик два», а также четыре стробоскопа «Шове мега два» мощностью семьсот пятьдесят ватт с множеством прожекторов – все управляется полностью автоматизированной двадцатичетырехканальной световой консолью ЦМК. – И он обвел присутствующих гордым взглядом, словно действительно понимал, о чем говорит, а не воспроизводил слово в слово текст, написанный его боссом.

Липпер уже почти не мог его выносить. Подождав несколько секунд, он продолжил свою речь:

– После грома и молнии вновь включаются голографические проекторы, и мы видим самого Сенефа, вылезавшего из саркофага, и жрецов, в ужасе отпрянувших назад. Это картина, которую они мысленно представляют себе, – так, по крайней мере, написано в сценарии.

– Вам не кажется, что все это будет выглядеть слишком неестественно? – нахмурившись, спросила Нора. – Как дешевый фокус?

– Фигуры будут объемными. К тому же голографические изображения немного напоминают призраков – они становятся прозрачными, если за ними установить мощный источник света. Мы тщательноотрегулируем освещение, чтобы добиться такого эффекта. Используем видео и компьютерную графику. Итак, Сенеф поднимается и указывает пальцем на

грабителей. Под грохот грома и вспышки молнии он начинает рассказывать о своей жизни: о том, что он сделал, каким был классным регентом и визирем для Тутмоса. И конечно, дальше идет учебный материал.

– Кстати, – опять встрял де Мео, – в саркофаге спрятаны аппараты нагнетания тумана «Джем гласиэйтор» мощностью пятьсот ватт. Производительность – две тысячи кубических футов в минуту.

– В моем сценарии ничего нет про искусственный туман, – возразил Уичерли. – Он может повредить роспись на стенах.

– В системе «Джем» используются только экологически чистые жидкости, – заверил его Липпер. – Сто процентов гарантии, что они не окажут никакого химического воздействия.

Нора Келли вновь нахмурилась:

– Простите, что задаю этот вопрос, но неужели подобная театральность столь уж необходима?

– Послушайте, Нора, – обратился к ней Мензис, – начнем с того, что это была ваша идея.

– Я представляла себе нечто более скромное, без стробоскопов и искусственного тумана.

Мензис хихикнул:

– Если уж мы пошли по этому пути, Нора, нужно сделать все как следует. Поверьте мне, это будет незабываемое шоу и к тому же очень познавательное. Отличный способ скормить *vulgus mobile*⁷ немного знаний таким образом, что они даже этого не заметят.

Нора в сомнении покачала головой, но ничего не сказала. Липпер продолжил свой рассказ:

– Когда Сенеф начинает говорить, жрецы в ужасе падают на пол. Затем он возвращается в саркофаг, грабители исчезают, голографический экран поднимается, включается свет – и вот гробница опять становится такой, какой была до ограбления, – музейным экспонатом. Ограждение убирают, и посетители осматривают гробницу, словно ничего и не произошло.

Мензис поднял палец:

– Кроме того, что они узнали, кто такой Сенеф, и получили незабываемые впечатления. Теперь вопрос на миллион долларов: вы сможете уложиться в срок?

– Мы привлекли столько людей, сколько смогли. Электрики работают не покладая рук. Думаю, через четыре дня мы закончим установку оборудования и подготовим все для испытаний.

– Это было бы очень хорошо.

– А потом займемся отладкой.

Мензис удивленно вскинул голову:

– Отладкой?

– Это самое главное. Как правило, отладка занимает в два раза больше времени, чем сама установка.

– Восемь дней?

Липпер кивнул, ощутив неловкость под внезапно помрачневшим взглядом Мензиса.

– Четыре плюс восемь – получается двенадцать. То есть до торжественного открытия остается всего два дня. Нельзя ли как-то закончить отладку за пять дней?

Что-то в тоне Мензиса подсказало Липперу, что это скорее приказ, чем вопрос. Он нервно сглотнул – сроки и так были почти нереальными, – но вслух произнес:

– Мы постараемся.

⁷ Здесь: возбужденной толпе (лат.).

– Отлично. Давайте теперь немного поговорим об открытии. Доктор Келли предложила воспроизвести первоначальное открытие выставки в тысяча восемьсот семьдесят втором году, и я полностью ее поддерживаю. Сначала коктейль, потом немного оперы, после чего гостей проводят в гробницу на светозвуковое шоу, и в завершение – обед.

– Сколько примерно человек будет присутствовать? – спросил Липпер.

– Шестьсот.

– Вряд ли мы сможем запустить в гробницу шестьсот человек одновременно, – с сомнением произнес Липпер. – Я рассчитывал на группы из двухсот человек, притом что шоу длится двадцать минут. Что ж, в день открытия можно увеличить группы – скажем, до трехсот человек.

– Превосходно, – заявил Мензис. – Мы разделим гостей на две группы. В первую, разумеется, войдут приглашенные из списка «А»: мэр, губернатор, сенаторы и конгрессмены, руководство музея, попечители, звезды кино. Два посещения гробницы – и за час мы разделимся со всей толпой. – Он перевел взгляд с Липпера на де Мео. – Я очень рассчитываю на вас обоих. Не должно быть никаких ошибок. Все зависит от того, сумеете ли вы вовремя закончить подготовку шоу. Четыре плюс пять – итого девять дней.

– Со мной проблем не будет, – заявил де Мео, улыбаясь и излучая уверенность – прямо не мальчик на побегушках и укладчик кабеля, а посол по особым поручениям.

Взгляд пронзительных синих глаз вновь устремился на специалиста по компьютерным эффектам.

– А вы что скажете, мистер Липпер?

– Сумеем.

– Рад это слышать. Надеюсь, вы будете информировать меня о том, как продвигается работа?

Липпер и де Мео кивнули.

Мензис взглянул на часы:

– Извините, Нора, но мне нужно успеть на поезд. Я позвоню вам позже.

Мензис и остальные ушли, вновь оставив Липпера наедине с де Мео. Липпер посмотрел на часы.

– Что ж, де Мео, я, пожалуй, тоже пойду. Хоть сегодня для разнообразия лягу в постель раньше четырех утра.

– А как же Даркмуд? – спросил де Мео. – Ты обещал собрать воинов к полуночи.

– Черт! – простонал Липпер.

Нет уж, сегодня им придется штурмовать Сумеречный замок без него.

Глава 17

Когда Марго Грин проснулась, в окна клиники Февершем уже светило яркое послепо- луденное солнце. С больничной кровати ей было видно, как огромные, напитанные влагой облака лениво плывут по синему небу. Откуда-то с реки Гудзон доносились крики водных птиц.

Марго зевнула, потянулась и села в постели. Взглянула на часы – без четверти четыре. Скоро придет медсестра с послеобеденной чашкой мятного чая.

На столике возле ее кровати лежали старые выпуски «Естественной истории», недо- читанный роман Толстого, портативный аудиоплеер, ноутбук и номер «Нью-Йорк таймс». Взяв в руки газету, она открыла ее на странице с кроссвордом: может, удастся закончить его прежде, чем Филлис принесет чай.

Теперь, когда ее состояние перестало внушать опасения, процесс выздоровления в кли- нике приобрел упорядоченность, и она с удивлением поняла, что с нетерпением ждет четы- рех часов, когда можно будет поболтать с Филлис. Марго мало кто навещал – только мать и капитан Лора Хейворд, и ей очень не хватало общения, почти так же, как работы.

Взяв карандаш, Марго занялась кроссвордом, но это оказалась одна из головоломок, публикуемых в воскресных приложениях, – с малопонятными определениями и туман- ными намеками, – а она была еще слишком слаба для серьезных умственных усилий. Через несколько минут Марго отложила кроссворд, и ее мысли вернулись к последнему визиту Хейворд и неприятным воспоминаниям, которые он пробудил.

Она очень смутно помнила все, что было связано с нападением, и это ее беспокоило. В памяти остались лишь не связанные между собой обрывки, из которых невозможно было составить целостную картину, – так бывает после кошмарного сна. В тот день она зашла на выставку «Священные образы», желая еще раз проверить экспозицию индейских масок. Уже находясь рядом с ней, она почувствовала чье-то присутствие: в выставочном зале кто-то прятался. Этот кто-то следил за ней. Сначала крался следом, а потом напал. Она смутно пом- нила, как обернулась и, пытаясь защититься, замахнулась ножом для резки картона. Ранила ли она того, кто ее преследовал? Нападение злоумышленника было молниеносным: Марго почувствовала обжигающую боль в спине – и пришла в себя уже в больнице.

Она сложила газету и бросила ее на стол. Нападавший говорил ей что-то, но она ничего не помнила, и это угнетало больше всего. Его слова пропали, исчезли в темноте. Однако, как ни странно, она запомнила его глаза – они словно врезались в ее сознание, – и его отврати- тельный холодный смех.

Марго заворочалась в постели, недоумевая, почему Филлис до сих пор не приходит, и продолжая размышлять о визите Хейворд. Та задала массу вопросов об агенте Пендергасте и его брате – человеке с необычным именем Диоген. Все это казалось странным: Марго не встречалась с Пендергастом уже несколько лет и вообще не знала, что у того есть брат.

Наконец дверь палаты открылась, и вошла Филлис. Однако в руках у нее не было под- носа с чаем, а ее лицо, обычно дружелюбное, имело официальное и озабоченное выражение. – Марго, к вам посетитель, – сказала она.

Марго не успела никак отреагировать – в дверях появилась знакомая фигура хранителя отдела антропологии доктора Хьюго Мензиса, одетого с обычной для него небрежной эле- гантностью. Его густые седые волосы были зачесаны назад, яркие синие глаза быстро обе- жали палату и остановились на пациентке.

– Марго! – воскликнул он, быстро приблизившись к ее кровати, и его благородное лицо озарила улыбка. – Как я рад вас видеть!

– Я тоже, доктор Мензис, – ответила она.

Ее удивление при виде посетителя уступило место смущению: для встречи с боссом она выглядела не лучшим образом.

Мензис, почувствовав неловкость больной, постарался ее успокоить. Поблагодарив Филлис, он подождал, пока сестра скроется за дверью, и присел у кровати Марго.

– Какая прекрасная палата! – воскликнул он. – И какой изумительный вид на Гудзон! Здесь волшебное освещение, которое уступает только Венеции. Вот почему река привлекает так много художников.

– Персонал больницы очень внимателен ко мне.

– Еще бы! Знаете, дорогая, я очень беспокоился о вас, как, впрочем, и весь отдел антропологии. Мы ждем не дождемся вашего возвращения.

– Я тоже.

– Ваше местонахождение было практически государственной тайной. До вчерашнего дня я даже не подозревал о существовании этой больницы. По правде говоря, чтобы проникнуть сюда, мне пришлось очаровать половину сотрудников. – Он улыбнулся.

Марго улыбнулась в ответ. Мензису нельзя было отказать в обаянии. Ей очень повезло с боссом. В то время как другое музейное начальство вело себя с подчиненными как феодалы с вассалами, Мензис был исключением – дружелюбный, восприимчивый к чужим идеям, всегда готовый прийти на помощь. Марго не могла дождаться, когда ее выпишут, это была чистая правда. «Музееведение» – периодическое издание, которое она редактировала, – без нее осталось совсем заброшенным. Вот если бы она только не уставала так быстро...

Сознание Марго стало туманиться. Усилием воли вернув его к действительности, она взглянула на Мензиса и увидела, что тот смотрит на нее с озабоченным видом.

– Простите, – сказала она, – я все еще немного слаба.

– Вполне естественно. Может быть, именно потому эта штука все еще вам необходима? – Он кивнул на капельницу у кровати.

– Доктор сказал, что это всего лишь мера предосторожности. В настоящее время я получаю достаточно жидкости.

– Хорошо, очень хорошо. Потеря крови стала тяжелым потрясением для вашего организма. Вы потеряли очень много крови, Марго. А ведь ее не зря называют живой жидкостью, вы согласны?

Она вздрогнула, по ее жилам словно прошел электрический ток. Слабость и оцепенение как рукой сняло.

– Что вы сказали? – спросила она.

– Я спросил: вы знаете, когда вас выпишут?

Марго успокоилась:

– Врачи очень довольны моими успехами. Через неделю-другую я смогу покинуть клинику.

– Но потом, наверное, вам еще какое-то время придется пробыть дома, чтобы окончательно окрепнуть?

– Да. Доктор Винокур – это мой лечащий врач – сказал, что для полного восстановления сил мне нужно будет отдохнуть еще месяц, прежде чем выйти на работу.

– Он наверняка знает, что говорит.

Тихий голос Мензиса действовал на нее усыпляюще, и Марго невольно зевнула.

– Ой! – воскликнула она смущенно. – Простите!

– Ну что вы! Я совершенно не хочу вас утомлять и скоро уйду. Вы, наверное, устали?

– Да, немного. – Она слабо улыбнулась.

– Вы хорошо спите?

– Да.

– Прекрасно. А то я боялся, что вас мучают кошмары. – Мензис оглянулся и посмотрел на раскрытую дверь и видневшийся за ней коридор.

– Нет, почти не мучают.

– Молодец! Вы храбрая девочка.

Марго вновь вздрогнула. Голос Мензиса неуловимо изменился: теперь он казался одновременно чужим и пугающе знакомым.

– Доктор Мензис, – заговорила она, пытаюсь приподняться.

– Нет-нет, лежите отдыхайте. – Взяв ее за плечи, он мягко, но решительно заставил опять лечь на подушку. – Я был очень рад услышать, что у вас хороший сон. Не всякий человек способен в короткое время забыть о таком потрясении.

– Не могу сказать, что я о нем забыла, – сказала Марго. – Просто не очень хорошо помню подробности того, что произошло, – в этом все дело.

Мензис ободряюще похлопал ее по руке:

– Может, оно и к лучшему.

С этими словами он сунул другую руку во внутренний карман пиджака.

Внезапно Марго почувствовала необъяснимую тревогу. Наверное, все дело в усталости. Как бы Мензис ей ни нравился и как бы она ни была благодарна ему за визит, ей пора отдохнуть.

– В конце концов, кому нужны такие воспоминания? Неясный шум в пустом выставочном зале. Ощущение того, что тебя преследуют. Шаги невидимого человека, грохот падающей мебели – и внезапная темнота.

Марго охватила паника, она уставилась на Мензиса, не в силах уловить смысл его слов. А антрополог продолжал говорить тихим, успокаивающим голосом:

– Смех, раздающийся из черноты. А потом удар ножа... Нет, Марго, такие воспоминания не нужны никому.

И тут Мензис рассмеялся. Но это был не его голос. Этот голос принадлежал совсем другому человеку. Как и отвратительный холодный смех...

Внезапно навалившаяся на нее сонливость уступила место смертельному страху. Нет! Этого не может быть!..

Мензис сидел на стуле и пристально смотрел на нее, словно оценивая эффект сказанного. Потом вдруг подмигнул ей. Марго подалась назад и открыла рот, собираясь закричать. Но в этот момент на нее навалилась свинцовая усталость, сковавшая все ее члены и не дающая произнести ни слова. Внезапно она поняла, что это состояние нельзя назвать естественным, что с ней творится что-то неладное.

Мензис отпустил ее руку, и в этот момент она с ужасом увидела в другой его руке крохотный шприц, наполненный прозрачной жидкостью, игла которого проткнула трубку капельницы у ее запястья. На ее глазах Мензис вытащил шприц и сунул его в карман.

– Моя дорогая Марго, – сказал он незнакомым голосом, откидываясь на спинку стула, – неужели вы действительно надеялись больше никогда меня не увидеть?

Паника и отчаянное желание выжить наполнили все ее существо, однако она была совершенно бессильна против химического вещества, которое, растекаясь по венам, лишало ее возможности двигаться и говорить. Мензис быстро поднялся на ноги и, приложив палец к губам, прошептал:

– Пора спать, Марго...

Навалившаяся темнота заволокла зрение и мысли, и она больше не чувствовала ни страха, ни шока, ни изумления – даже обычный вздох давался с большим трудом. Неподвижно лежа на кровати, Марго видела, как Мензис повернулся и вышел из палаты; слышала, как он негромко позвал сестру. Но вскоре и его голос потонул в глухом шуме, напол-

нившем ее голову. В глазах у нее потемнело, сознание погрузилось в черноту вечной ночи, и дальше она уже ничего не помнила.

Глава 18

Через четыре дня после совещания с Мензисом светозвуковая аппаратура для шоу была наконец установлена и можно было приступать к отладке. В этот вечер они прокладывали последние участки кабеля и завершали подключение. Джей Липпер скрючился у отверстия, проделанного у самого пола Зала колесниц, прислушиваясь к доносящимся оттуда разнообразным звукам: шепоту, сопению и приглушенным ругательствам. Они работали уже третью ночь подряд, и Липпер устал как собака. Долго он так не выдержит. Выставка подчинила себе всю его жизнь. Союзники из «Страны Даркмуд», забыв о нем, продолжали играть. Они уже перешли на следующий уровень, а то и на два, и Джей безнадежно от них отстал.

– Поймал? – раздался из отверстия в стене сдавленный голос.

Посмотрев вниз, Липпер увидел торчащий из черноты конец оптоволоконного кабеля.

– Да, – ответил он, схватил его, потянул к себе и стал ждать, пока подойдет де Мео.

Вскоре плотная фигура помощника появилась в проходе. Свет падал сзади, поэтому лицо его рассмотреть не представлялось возможным: видны были лишь очертания крупного тела де Мео с мотком кабеля на массивном плече да слышалось его тяжелое дыхание. Помощник протянул ему конец кабеля, и Липпер воткнул его в гнездо на задней панели лежащего на соседнем столе ноутбука. Позже, когда все экспонаты расставят по местам, компьютер будет спрятан за позолоченным и покрытым росписью сундуком, а пока он стоял на виду – там, где до него легко добраться.

Де Мео отряхнул пыль с колен, широко улыбнулся и протянул руку:

– Держи пять, брат. Мы сделали это!

Липпер сделал вид, что не заметил протянутой руки, и с трудом сдержал раздражение. Как надоел ему этот болван! Два музейных электрика, несмотря на уговоры, в полночь ушли домой, и в результате Липперу пришлось самому ползать на четвереньках, помогая де Мео.

– До конца еще далеко, – хмуро произнес он.

Рука де Мео неловко повисла.

– Да, но, по крайней мере, кабель проложен, программы установлены, и все идет по графику. Лучше и быть не может, ведь правда, Джей?

Липпер включил компьютер и выбрал последовательность начальной загрузки. Он отчаянно надеялся, что компьютер увидит сеть и все удаленные устройства, но в глубине души знал, что этого не произойдет. Такие вещи никогда не получаются с первого раза, к тому же чертовой сетью занимался де Мео, а значит, ожидать можно было чего угодно.

Компьютер завершил загрузку, и Липпер с замирающим сердцем начал отправлять специальные сигналы на сетевые адреса, чтобы проверить, какие из двух дюжин периферийных устройств доступны, а с какими еще придется повозиться. Можно считать везением, если при первой загрузке компьютер увидит хотя бы половину, – ничего не поделаешь, такова специфика этого бизнеса.

Липпер последовательно кликал по сетевым соединениям, и его охватывало все большее изумление. Казалось, все было на месте. Он просмотрел список. Невероятно, но факт: все сетевые устройства видны и готовы к работе. Вся периферия, вся светозвуковая аппаратура реагировала на обращение и казалась безупречно синхронизированной. Создавалось впечатление, что кто-то уже проверил соединения и устранил неполадки.

Липпер вновь прошелся по списку – результат был тем же.

Изумление уступило место сдержанному ликованию: он не мог припомнить ни одного случая, когда бы такая сложная сеть заработала с первого раза. И не только сеть: вся работа над этим проектом была необычайно успешной, все выходило словно по волшебству.

Конечно, на нее ушло несколько дней, показавшихся ему бесконечными, но на самом деле это обычно занимало больше времени – гораздо больше. Липпер глубоко вздохнул.

– Ну и как? – спросил де Мео, нависая сзади, чтобы рассмотреть значки на маленьком экране, и Липпер почувствовал исходящий от него запах лука.

– Неплохо, – ответил Джей и отодвинулся.

– Класс! – завопил помощник, и его возглас разнесся по всей гробнице, а у Липпера чуть не лопнули барабанные перепонки. – Я молодец! Настоящий сетевой монстр! – Де Мео неуклюже запрыгал по камере, молотя воздух кулаками, потом обернулся к Липперу. – Давай устроим пробный прогон.

– У меня есть идея получше. Почему бы тебе не сходить купить нам пиццу?

Де Мео удивленно посмотрел на него:

– Как, прямо сейчас? Ты что, не хочешь провести альфа-тестирование?

Конечно же, Липпер хотел протестировать систему. Но только не в присутствии помощника, который дышал ему в затылок, орал на ухо и вообще вел себя как осел. Липпер хотел насладиться плодом своего труда в тишине, полностью сосредоточившись. Ему было просто необходимо отдохнуть от де Мео.

– Мы проведем тестирование после пиццы. Даю слово. – Он посмотрел на помощника, обдумывающего его предложение.

– Хорошо, – сказал тот. – Тебе какую?

– Неаполитанскую. И большую бутылку холодного чая.

– А я возьму гавайскую двойную с ананасом, обжаренным в меду беконом и чесноком. И два «Доктора Пеппера».

Де Мео, как обычно, говорил так, словно Липперу было очень интересно, что именно он выберет. Джей вынул из кармана две двадцатидолларовые купюры и протянул их помощнику:

– Спасибо, брат.

Липпер смотрел, как де Мео медленно поднимается по каменным ступеням. Вскоре он скрылся в темноте, и звук его удаляющихся шагов постепенно смолк.

Наконец-то Липпер мог насладиться благословенной тишиной! А на обратном пути де Мео, возможно, попадет под автобус.

С этой приятной мыслью Джей повернулся к монитору. Щелкнув поочередно по иконкам всех периферийных устройств, он убедился, что все они функционируют, и вновь удивился безотказной слаженности сети: словно кто-то уже провел настройку вместо них. Ему пришлось признать, что де Мео, несмотря на свои идиотские шутки, справился с работой, и справился великолепно.

Неожиданно Липпер замер, нахмурившись. Иконка одной из программ лихорадочно мигала. Каким-то образом светозвуковые режимы загрузились автоматически, хотя в программе была предусмотрена ручная загрузка – по крайней мере, для альфа-тестирования, чтобы поочередно проверить каждый модуль.

Так что проблема все-таки возникла. Естественно, он ее устранил, но чуть позже. Программное обеспечение загрузилось, вспомогательные устройства функционируют, экраны на месте, машина для нагнетания тумана тоже готова к работе.

Не будет ничего плохого, если он произведет пробный запуск. Липпер глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, и опустил палец на кнопку пуска, но вдруг замер. Из глубины гробницы до него донесся какой-то звук: похоже, он исходил из Зала истины или даже из самой погребальной камеры. Это никак не мог быть де Мео, удалившийся в противоположном направлении. К тому же помощник должен был вернуться не раньше чем через полчаса, а если повезет, то через сорок минут.

Может, это охранник или кто-то еще из сотрудников музея? Странный звук послышался опять – сухой, напоминающий царапанье. Определенно это не охранник. Может, мыши? Липпер нерешительно поднялся. Наверно, ему просто послышалось. Господи, неужели он поверил во все эти бредни насчет проклятия, о котором шептались охранники? Скорее всего, мышь. В конце концов, в старых египетских галереях полно грызунов, и отделу эксплуатации даже пришлось поставить там мышеловки. Но если один из зверьков проник в гробницу – например, через расчищенные де Мео отверстия в стене, – он вполне может пустить в ход острые зубы, и этого будет достаточно, чтобы вывести из строя всю систему и остановить работу на несколько часов или даже дней – ведь придется проверять все чертовы кабели, дюйм за дюймом.

Звук послышался вновь – словно ветер зашуршал сухой листвой. Липпер схватил пальто де Мео, готовясь набросить его на серую тварь, если таковая появится, уменьшил яркость освещения и крадучись направился в глубь гробницы.

Тедди де Мео порылся в кармане, стараясь не уронить пиццу, нащупал магнитную карточку и приложил ее к замку, который недавно установили на дверь, ведущую в Египетскую галерею. Чертовы лепешки уже остыли, потому что охранники при входе тщательно и очень медленно проверили все его вещи, несмотря на то что точно такие же идиоты сделали это всего лишь за двадцать пять минут до них. Меры предосторожности? Нет, скорее обыкновенная тупость.

Дверь Египетской галереи тихо закрылась. Де Мео прошел через зал, свернул в пристройку и с удивлением обнаружил, что вход в гробницу закрыт.

В душе его шевельнулось подозрение: неужели Липпер провел первый пуск без него и спокойно ушел домой? Но де Мео быстро прогнал эту мысль. Пусть специалист по компьютерным эффектам и мнил себя великим мастером и не очень дружил с головой, но в целом был неплохим парнем.

Де Мео вновь достал карточку и приложил ее к замку – раздался характерный щелчок. Просунув в образовавшийся проем локоть и с трудом удерживая пиццу и напитки, Тедди открыл створку, проскользнул внутрь и услышал, как дверь за ним закрылась.

Освещение соответствовало первому уровню – таким оно должно было оставаться после пробного прогона, – и де Мео вновь нахмурился.

– Эй, Джей! – крикнул он. – Пиццу заказывали? – Его голос эхом разнесся по гробнице и замер вдали. – Джей!

Он спустился по ступеням, прошел по коридору и остановился у мостика, переброшенного через колодец.

– Джей! Пицца прибыла! – Де Мео подождал, пока эхо стихнет.

Липпер не мог провести тестирование без него – ведь они столько времени провели вместе, работая над этим проектом. Не такой же он идиот! Просто, наверное, надел наушники: проверяет звук или что-то в этом роде. Или слушает свой айпод – иногда он включал его и во время работы. Перейдя через мост, де Мео оказался там, где они проводили большую часть времени, – в Зале колесниц. И тут же вдалеке услышал звук шагов. Во всяком случае, ему показалось, что это были шаги. Шаги сопровождались странным глухим стуком и раздавались из глубины гробницы – похоже, из погребальной камеры.

– Джей, это ты?

Де Мео внезапно ощутил страх. Положив пиццу на стол, он сделал несколько шагов по направлению к Залу истины и расположенной за ним погребальной камере. Отметил про себя, что там так же темно – первый уровень освещения, как и в остальных помещениях гробницы. По правде говоря, при таком свете вообще ничего не видно.

Де Мео вернулся к рабочему столу и взглянул на монитор: программное обеспечение загружено и находится в режиме ожидания. Он щелкнул по иконке управления освещением, вспоминая, как прибавить свет. Липпер делал это при нем сотни раз, но де Мео никогда особо не вникал в его действия. В открывшемся окне появились слайдеры, и он щелкнул по одному из них – с надписью «Зал колесниц».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.